

Энни Ковтун

СКРЫТЫЕ ЛУНОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

под лунной (магия, фантази)

Энни Ковтун
Скрытые луной

«Автор»

2026

Ковтун Э.

Скрытые луной / Э. Ковтун — «Автор», 2026 — (под лунной (магия, фентази))

Есть мир, который нельзя увидеть. Но он уже видит тебя. Саша теряет родителей и в одну ночь узнаёт, что вся его жизнь была тщательно выстроенной ложью. Его забирает Джокер — человек, называющий себя его братом, и открывает ему Середину: скрытый мир, где магия — это физика, боги вмешиваются в политику, а за людьми охотится организация СЗ. Саша не успевает прийти в себя, как оказывается в центре войны, которую не понимает. Он должен решить, кем быть: жертвой, оружием или тем, кто переписит правила этого мира. Глеб живёт в этом хаосе давно. Он знает, как устроена система, и начинает работать внутри неё. Но чем дальше он идёт, тем сильнее сомневается: враги могут быть не теми, кем их называют, а сама война — кем-то спланированной ложью. Саша ищет правду о себе. Глеб — правду о мире. И однажды их ответы столкнутся.

© Ковтун Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Все только начинается»	5
Глава 2 «Дом, которого не должно было быть»	22
Глава 3 «Завтра зазвучит колокольчик»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Энни Ковтун

Скрытые луной

Глава 1 «Все только начинается»

Трупы. Два тела лежали на полу гостиной с разбитыми, окровавленными головами. Некогда самые любимые и дорогие люди медленно обращались в пепел, который разлетался по полу. Его родители. Его любимые родители... Что теперь с ним будет? Куда его теперь заберут? Сначала будут пытаться, а потом отправят в детский дом? Или просто убьют следом?

Привычный мир рухнул с этой трагедией. Привычный уклад жизни, расписанное будущее — всё исчезло в один вечер. Шестнадцать лет. Детский дом или смерть. Вместе с ними рухнуло и всё остальное.

В ушах ещё противно звенело, а руки предательски дрожали. Щеки противно стягивало от высохших слёз.

Саша сидел у стены и смотрел на тела родителей, медленно рассыпавшиеся в серый пепел. Смотрел на растекающуюся по полу лужу крови. Он не знает, что делать, мысли путаются. Саша сидел рядом с отцом и всё ждал, что тот сейчас откроет глаза и скажет привычное: «Ну чего расселся?»

Но отец не открывал.

По окну застучал дождь, создавая более гнетущую атмосферу. А по дому разлетался запах папиного кофе и маминой выпечки. Этот запах теста, фруктов и чего-то сладкого разбивался о медные запахи крови. Он смотрел на неё и не понимал, почему она не красная. Кровь казалась почти чёрной. Наверное, потому, что в комнате было темно. Или потому, что с глазами происходило что-то не то.

Как именно всё случилось, он толком не понял. Ещё утром было спокойно, мама заканчивала с готовкой, а папа торопливо собирался на работу. Семья обсуждала поездку на дачу в эти выходные. Планировали список гостей, продуктов, план. Однако вечер перечеркнул не только эти планы.

Люстра ещё слегка качалась, поблескивая искрами из разбитых лампочек. Из приоткрытой входной двери свистел сквозняк, разгоняя пепел по полу гостиной. Сознание отчаянно хваталось за привычные предметы, стараясь хоть как-то успокоить непослушное тело. Куда-то делось папино любимое кресло и второй мамин тапочек. Сначала даже была предпринята попытка встать и найти, ведь папа точно захочет в него опять сесть, а маме будет холодно.

Он встал, слегка побродил по комнате, стараясь понять, куда это всё пропало. Однако босая нога вступила в что-то мокрое, из-за чего взгляд опустился вниз. Лужа крови. Затем он увидел собственные руки, испачканные почти до локтей. Паника накрыла мгновенно. Саша схватился за голову и рухнул на пол, пытаясь понять, что вообще произошло.

Горло болело, кто-то кричал, а на щеках появилось ощущение мокрых дорожек. Руки пачкали волосы кровью. Не сразу пришло осознание, что щеки мокрые от слёз, а горло болит, потому что кричал именно он.

Они сидели с папой в зале. Раздался дверной звонок, мама из своей спальни ушла открывать. Как мама оказалась вместе с ними? Не помнит. Однако отчётливо помнит двух мужчин в белом. Отец быстро встал, откинул Сашу куда-то в сторону дивана. А что же было дальше? Помнит только как уже очнулся и пытался закрыть раны у родителей. Отец что-то прохрипел про тумбочку, что там есть какая-то записка.

На ватных ногах он встал, опираясь о стены, поплелся к родительской спальне. На момент застыл возле тела матери и аккуратно поправил ей волосы, вытащив их из-под фартука. Задевший пальцем участок шеи разлетелся пеплом, пачкая сажей ладонь.

Не особо разобрался, как вообще дошёл до спальни. Очнулся только тогда, когда всё содержимое ящика отцовской тумбочки оказалось на полу. На пару минут застыл, забыв, что конкретно он ищет. Затем вспомнил и стал просматривать каждую бумажку. Это папин снился и паспорт, тут какие-то рабочие бумажки, это запись его к врачу, это фотографии, что должны были быть поставлены в рамку, а вот сам чек на заказ этих рамок. Он не решился открывать конверт с фотографиями: было слишком больно и руки слишком сильно дрожали.

Записка была найдена, и содержание её не давало ответов на вопросы, а только множило их. В записке, написанной маминым почерком, говорилось, что они ему не родные. Что его родителей настигла беда, но шанс вернуться «домой» всегда есть. Но это совершенно никак не сглаживало ситуацию, а лишь ухудшало. «Домой» — звучало ужасной насмешкой. Дома теперь нет. Физически, конечно, есть, но пытаться оттереть дубовый пол от крови не особо хотелось. Ощущение брошенности усиливалось. Смерть и ложь, как оказалось, приёмных родителей, да до кучи информация о том, что и родные его тоже оставили. Это никак не облегчало ситуацию. Все было не вовремя, все было очень неправильно.

Как схватил чей-то телефон, не особо понял, как набирал тоже. Раздались гудки. На том конце провода очень долго не хотели брать трубку. Но всё же взяли. В тишину он сказал ровно так, как написала мама:

— Я Саша. Их убили.

На том конце обратной связи не дали. Просто повесили трубку, оставив в звенящей тишине. Глаза невольно распахнулись, а внутри всё похолодало. Его оставили одного.

Была опробована еще одна попытка дозвониться. Трубку вроде взяли.

— Алло?! — после этого раздался голос автоответчика, от чего вызов уже со стороны Саши был сброшен.

Еще одна попытка, ещё, ещё.

— Да ответьте же!

Телефон полетел в сторону, а руки оказались на лице. Сесть на родительскую кровать не хватило сил. Ноги сами понесли обратно в зал, словно там все резко могла стать хорошо. Но этого не произошло.

Дом не просто опустел, стены словно плакали вместе с ним и не понимали, что дальше делать. Толстовка казалась слишком тугой, удушающей и совсем-совсем не тёплой. Невольно в голову лезли мысли, что нужно было идти подстричься сегодня вместе с мамой, ведь так они бы остались живы. Мама бы пошла контролировать, что его непослушные темные волосы аккуратно, как она говорила, «правильно» подстригут, убирая длину. А вот папа сидел бы в машине, слушал бы какие-то новости, бубня что-то о своём. Но вместе с тем, сердце рвало две удушающие несправедливости: почему в живых остался только он и почему родители ничего не говорили? Если была заготовлена записка, можно предположить, что был заготовлен целый план на такой случай. Было бы правильное сообщить ему об этом заранее. Кто были эти люди, почему родители скрывали что-то и кому он, в конце концов, позвонил?

В записке он перечитал строчку «мы не твои родители» раз десять. Буквы не менялись. Он всё ждал, что они наконец сложатся во что-то другое или приобретут, может, как-нибудь новый смысл. Или там найдётся слово «Теперь». Но этого не было. Порвать что-то оставленное родителями сил не хватило, поэтому записка была скомкана и отброшена. Она стала мирно плавать в луже крови. На нее стал падать свет с кухни.

За окном без остановки лил весенний дождь. Казалось, сама природа давно знала, чем закончится этот день, и теперь молча оплакивала случившееся. Капли дождя яростно били в стекло, словно читали заупокойную молитву, а ветер выл в темноте, как голодный зверь.

Он сел недалеко от тел и попытался прикоснуться к руке матери, но та рассыпалась, будто была сделана из пепла. В голове болезненно вспыхнула мысль: чуда не будет. Не сегодня. Не сейчас. Не здесь. И всё же оставался вопрос: почему они рассыпаются пеплом без огня?

Саша сидел один посреди развалин собственной жизни. Дом ещё хранил запах родителей, но сами они уже исчезли. Осталась пустота: тяжёлая, холодная, плотная. Она заполняла комнаты, забиралась под кожу, сжимала грудь так, что становилось трудно дышать. Дождь стучал по крыше всё громче, будто пытался заглушить тишину, в которой больше никогда не прозвучат знакомые голоса. Но даже он не мог смыть это чувство. Мир продолжал существовать. Его собственный — закончился.

Время он не чувствовал. Прошедший период мог быть и пятью минутами, а мог быть и несколькими часами.

За окном вдруг раздался рёв двигателей. Затем — резкая суета, чужая, неуместная, необычная для этого района. Вскоре в коридоре послышался топот тяжелых ботинок. Входную дверь распахнули ударом. Первым в комнату зашёл довольно высокий, темноволосый молодой человек, направив дуло пистолета на подростка. Ствол был поднят раньше, чем он успел увидеть лицо ошарашенного ребёнка.

Не успел Саша испугаться, как незнакомый мужчина выругался сквозь зубы и тут же убрал оружие, будто это было недоразумением, а не направленным выстрелом, который не случился. Он шёл по комнате уверенно, перешагивая лужи крови и тела, словно оказался не на месте убийства, а на встрече, которую нельзя пропустить. Нужно отметить, что, когда на подростка направили пистолет, он в страхе поднял руки. Не сказать, что вид окровавленной физиономии делал его положение каким-то более жалостливым. Скорее сейчас худой мальчик с взъерошенными волосами, перепуганными глазами и бледной кожей, в какой-то старой и грязной одежде больше мог напомнить маргинала, что пришёл обокрасть или вовсе был убийцей.

Когда к нему стали подходить уже без оружия, он стал отползать в угол комнаты. Всё-таки не каждый день к тебе залетает в дом две банды бандитов. Одни убили родителей, а вторые пришли по твою душу. К сожалению, комната не бесконечная. Угол спиной нашелся быстро. А дальше ступор, идти было некуда, и тело охватили будто бы цепями. Вдобавок к этому, судорожное повторение одного и того же: «уйди, я ничего не сделал!»

— Посмотри на меня. Ты ранен? — голос мужчины прозвучал неожиданно спокойно.

Вставая рядом на одно колено, слегка поднял своей рукой в перчатке Сашин подбородок, осматривая шею, лицо.

Затем достал платок и аккуратно вытер кровь с лица парня. Саша не понимал происходящего. Почему этот человек ведёт себя так, будто знает его давно? Почему не выглядит шокированным? Почему здесь вообще кто-то ведёт себя спокойно? Перед ним стоял типичный образ человека, которого видишь в криминальных сериалах: тёмные волосы, холодные глаза, чёрная одежда, перчатки, запах табака и дорогого одеколona. Всё в нём должно было означать опасность. И всё же он не бил. Не угрожал. Он заботился. Это было хуже.

Он снял с себя пальто и накинул на парня, от чего автоматически расправил плечи, и Саша смог увидеть сережку в мочке его уха.

Аккуратная, красивая, серебряная бабочка с какими-то узорами на застёжке. Ровно такая же была у отца, от чего сердце болезненно дернулось. Куда она делась позже, Саша не знал, но предполагал, что была убрана со многими другими вещами, как пережиток прошлого. За последние часы это была первая знакомая вещь, которая никак не менялась.

— Джокер, все чисто, — отчеканивают другие парни, заходя в комнату

— все, тих, тих, — проговорил Джокер, словно говорил с испуганным зверьком.

Имя отпечталось в сознании. Он взял Сашу за плечи, пытаясь успокоить. Что-то говорил — быстро, уверенно, будто происходящее ещё можно было исправить. Но Саша слышал лишь отдельные обрывки фраз, тонушие в гуле собственной паники.

Джокер — так к нему ранее обращались — сказал, что не причинит вреда, что Саша именно ему и позвонил, что нужно успокоиться, собраться и уехать отсюда туда, где будет безопасно. Туда, где будет спокойно. Времени на истерику нет. Нужно собрать вещи, потому что сюда уже едет полиция. Если они не исчезнут раньше, проблемы будут у всех.

Саша смотрел на него широко распахнутыми глазами, как на полного дурака, и не понимал, за кого тот его принимает.

Безопасно? Спокойно?

На полу в нескольких метрах лежали окровавленные тела его родителей, а какой-то незнакомец предложил ему «выдохнуть». Первый ужас уже начал отступать, уступая место чему-то другому: горькому, колющему, почти злому. Однако мозг, хоть и стал логически мыслить, делал это неполноценно и словно от пинка.

Нет, говорил этот человек, конечно, красиво и, возможно, логично. Даже слишком. Но именно поэтому ему не верилось ни единому слову. Хотя в любой другой ситуации, от его голоса и речи можно было бы захотеть пойти в ад, просто потому-то этот человек уверен, что оттуда вы вернетесь. Вот только подобные речи в подобных ситуациях хорошо звучат в кино, но никак не посреди залитой кровью гостиной.

— И с чего мне тебе верить? — сорвалось с его губ прежде, чем он успел подумать.

Мужчина выдержал его взгляд.

— Потому что я не оставлю тебя здесь одного.

И почему-то именно эти слова ударили сильнее всего. Потому что единственные люди, которые никогда бы его не оставили, уже лежали на полу за спиной Джокера.

— ты меня чуть не убил! — открытого возмущения на подобный добродетель, с предыдущей сценой было не избежать.

— Если бы я хотел тебя убить, убил бы, — ровно ответил Джокер, слегка наклонив голову. — Я был наготове тебя защитить. И, поверь, это две большие разницы.

Саша протер лицо руками, стараясь расставить по полочкам всё то, что произошло в последние десять минут. Нет, последние три часа. Всё напоминало начало не очень удачного аниме, коим Лиза вечно пытается забить головы их компании. Однако, если смотреть с другой стороны — вариантов на самом деле и так не много. И, наверное, самое страшное, что если эти люди в белом вернуться, вспомнив о том, что был кто-то третий. То что будет тогда?

— Ладно. Сейчас соберу по мелочи вещей... Сколько у меня времени?

Джокер прислушался к завыванию сирен за окном.

— Минуты три. В лучшем случае.

Он машинально коснулся внутреннего кармана пиджака, проверяя что-то.

— Потом станет совсем тесно.

Саша тяжело вздохнул и произнёс:

— Пошли... — чуть ли не выворачиваясь наизнанку сказал он. Видимо, терять уже нечего.

Джокер поднялся первым.

— Хорошо. Только без паники. По-бырому вещи соберем. Шрам, найди чемодан! Пошли, успеем.

Собрать вещи и правда получилось быстро. Одежда из шкафа бралась без разбора и так же кидалась. Спасибо маме, что она все туда аккуратно складывала. Техника такая же, схватили — бросили. Никто особо не вникал в то, что там есть и чего там нет. Отдельно хотелось захватить мамины украшения, но времени не осталось. Схватив чемодан и Сашу за руку, Джо-

кер поспешил по лестнице вниз. Остальная команда осталась, видимо, стирая улики своего присутствия.

Подбежав к чёрной машине, старший остановился и открыл дверь. Саше в этот момент удалось обернуться, смотря как те двое мужчин, что остались, выбираются из окон. У одного словно векторы-щупальца из-за спины, с помощью которых он медленно спускался, цепляясь ими то за подоконники, то за другие выступающие элементы, а второй буквально парил в воздухе, медленно спускаясь. Видимо, изможденный и уставший мозг рисует уж совсем фантастические картины. А возможно, ко всему этому у него нервный срыв. Может стоило бежать к Глебу и выпить?

За руль сел этот «Шрам». Сашу посадили в машину на заднее сидение, туда же, с другой стороны, сел Джокер, он же приказал гнать –они тронулись, но поехали какими-то дворами. Саша отчаянно пытался найти в лице своего, вроде как, спасителя сходство со своим лицом, с лицами родителей. Но не мог найти. Чёрные глаза Джокера не вязались с Сашиними серыми. Наверное, из общего у них только высокий рост и бледная кожа. К тому же разница между ними явно была лет в десять.

Во внешности Шрама Саша тоже не мог найти что-то внятное. Это был обычный мужчина лет двадцати пяти. Шрамов или каких-то изюминок не находилось. Примечательной внешностью он также не обладал.

За окном мелькали дворы, менялись дома. Фонари растягивались жёлтыми полосами по мокрому асфальту, а сирены постепенно остались где-то позади, и дом вместе с ними. От этой мысли стало неожиданно страшно. А вместе с тем стало приходить постепенное осознание произошедшего.

Подросток аккуратно уточнил куда они едут, почти шёпотом, вновь насторожившись. Но Джокер лишь откинулся на своём месте и сказал: «Домой».

— Это куда именно?

— Туда, где безопасно.

Саша усмехнулся, почти автоматически.

— Побудем пока среди людей. Отец должен решить несколько вопросов. — закончил свою фразу он.

— в смысле среди людей? А есть вариант жить среди кошек? Собак? — горько усмехнувшись, спросил Саша.

Он глянул на него, глаза Джокера сменили цвет на алые, блеснув в тьме ночного города.

— Есть. Но тебе не понравится. Мы не люди. Мы подлунные, Саша. И ты тоже.

— ты волшебник, Гарри, — смеется Шрам за рулём.

— какие еще подлунные? — немного выпал из логики диалога Саша, — Я же человек. У меня две руки, две ноги... ничего необычного...

Это все больше походило на неудавшуюся шутку. Что остаётся делать подростку, у которого только что закончилась жизнь, кроме как шутить в безнадежных попытках сохранить свою психику? А вместе с тем казалось, что его объективно дурят.

— Пока что. — отмахнулся Джокер.

— я... я, честно, совершенно не понимаю, о чем ты говоришь.

— И не обязан понимать прямо сейчас. За последние несколько часов на тебя и без того свалилось достаточно. Сначала выспишься. Потом будем разбираться.

— Ты понимаешь, как это звучит? Ты — абсолютно чужой мне человек, я знаю тебя от силы полчаса. Я тебе вообще не доверяю, а ты ещё и твердишь мне про каких-то подлунных.

Джокер спокойно смотрел на него и так же спокойно ответил, подперев щеку рукой:

— И всё же ты сидишь в моей машине.

— У меня не было выбора.

— Возможно. Но если бы я хотел причинить тебе вред, разговор сейчас выглядел бы иначе, — он помолчал и продолжил, — Меня зовут Джокер. Я твой старший брат. Родители отдали нас разным людям ещё детьми. Меня забрали обратно раньше. Тебя — нет. Решение было не моим.

Он замолчал, словно хотел сказать что-то ещё, но не мог, словно сам не понимая, как это «что-то» объяснить. Но передумал.

— Если бы решение зависело от меня, всё было бы иначе, — последние слова прозвучали заметно тише и видимо, это единственное на что он решился.

— ты сейчас серьезно? — Саша сделал паузу, смотря как лицо оппонента не как не меняется, — Допустим... а кто... кто убил моих родителей? Кто это тогда был?

— СЗ.

— Кто это?

— Организация, которая охотится на подлунных. На таких, как мы, — он кивнул в сторону Шрама, — Он гуль, — затем посмотрел на Сашу, — А мы с тобой ближе к магам. Если говорить совсем грубо.

— очень убедительно — с явной иронией говорит Саша. Было видно, что доверия собеседник не внушает ему абсолютно.

— После сегодняшнего вечера меня удивляет, что именно это кажется тебе самым невероятным.

Джокер откинулся на спинку сиденья и закинул ногу на ногу, словно разговор был окончен и все важные вопросы уже получили ответы. Саша тяжело выдохнул и отвернулся к окну. Ему хотелось тишины. Хотелось проснуться. Хотелось, чтобы этот день оказался кошмаром, после которого он откроет глаза в своей комнате и услышит голос матери с кухни. Но вместо этого рядом сидел человек, называющий себя его братом, рассказывающий про магию, тайные миры и каких-то подлунных.

— Хочешь, докажу? — вдруг спросил Джокер.

Саша недоверчиво повернул голову. Мужчина медленно снял перчатку.

Сначала ничего не произошло. А затем вокруг его ладони закружились алые капли крови, которые вытягивались откуда-то из-под кожи старшего, либо отходили засохшими кусками от тела Саши, там же в воздухе становясь вновь жидкими. Они двигались сами по себе, словно подчиняясь беззвучному приказу. Их становилось всё больше. Они сплетались, вытягивались, меняли форму.

Саша замер.

Кровь вращалась всё быстрее, пока на его глазах не начала обретать очертания обычной керамической кружки. Несколько секунд — и предмет был закончен. Будто его не создали. Будто о нём вспомнили и только что откуда-то достали.

Джокер протянул кружку ему.

— Держи.

Кружка была тяжёлой, холодной, с небольшим узором. А главное — она была настоящей, не миражом или галлюцинацией. Он даже постучал по ней ногтем. Он медленно повернул её в ладонях, провёл пальцем по гладкой поверхности, пытаясь найти шов, трещину или хоть какой-нибудь признак фокуса.

Ничего. Кружка была реальной. А значит, либо он окончательно сошёл с ума после увиденного дома, либо человек напротив только что нарушил все законы мира, которые Саша знал последние шестнадцать лет.

И почему-то второй вариант начинал казаться более правдоподобным.

— Это совсем малая часть того, что я умею. Со временем научишься и ты.

— Чего? Как ты? Откуда? — сыпались вопросы на старшего, — В чём подвох?

— Подвоха нет.

Он слегка пожал плечами.

— Мир устроен сложнее, чем тебе рассказывали в школе.

— Когда не знаешь магию, весь мир сразу кажется физикой? — всё с той же горькой иронией говорил он. Видимо, Саша не так далёк от состояния «окончательно сойти с ума».

Уголок губ Джокера дрогнул.

— да, — посмеявшись отвечает он, — Что-то типа того.

Саша лишь вздохнул, не понимая, как на это реагировать. Хотя и какого-то внутреннего отклика на это не было. Будто оно то ли уже было принято как что-то логичное, что точно должно было произойти, то ли сил удивляться и биться просто не осталось.

Он снова стал смотреть в окно, сжимая в руках эту самую кружку. Старший погладил по плечу, вновь стараясь то ли себя, то-ли подростка убедить, что всё будет хорошо и следом, как-то слишком обыденно бросая «что хочешь на ужин?». Однако в этот раз, Саша сразу как-то рефлекторно дернулся от его руки.

Джокер же наблюдал за ним молча. Не за словами, а за поведением подростка. За тем, как дрожат пальцы на кружке, как он постоянно смотрит в окно, как вздрагивает от любого прикосновения. Как Саша зажимается, пытаясь собрать плечи в какую-то не особо удобную и не здоровую позу, как поджимает ноги под себя.

— не надо меня трогать, — раздраженно высказался подросток, — я не голоден

Джокер убрал руку без возражений.

— Как скажешь, — немного помолчал и продолжил: — Но поесть всё равно придётся.

— скажешь тоже. Предпочту ограничиться.

— Не сегодня, — строго заметил он, — Если хочешь, можем заказать.

— я надеюсь, эти пять тонированных в круг гелика не будут искать у меня две тысячи рублей за заказ? — слегка раскинув руки, уточняет подросток, при этом морщась и от этого спокойствия, и от противно стучащего по окнам дождя.

— Не будут.

— Почему?

— Потому что они работают на меня.

— не внушает доверия

— верить не обязательно. Достаточно знать, что пока ты рядом со мной, тебя никто не тронет.

Он потрепал парня по голове, однако Саша тут же откинул его руку, выдохнув и шепотом выдавил из себя краткое «угу».

— Мы похороним их как положено, — после недолгого молчания Джокер добавил уже тише: «Это меньше, что я могу для них сделать.»

Информация, что родителей похоронят с почестями, вновь ударила по сердцу. Будто бы было мало сегодняшнего дня. На это всё Саше осталось лишь прильнуть головой к окну. За ним мелькали фонари, дома, редкие прохожие, но взгляд всё равно ни за что не цеплялся.

Что ему вообще делать с этой информацией? Почести не вернут мать. Почести не вернут отца. Почести не отменят того, что несколько часов назад он видел их тела в луже крови. А рядом сидел человек, называющий себя братом. Еще десять минут назад он наставлял на него оружие, а теперь говорил обо всём этом с пугающим спокойствием.

Джокер ему никто. Кем бы он ни представлялся, какие бы документы ни показывал, сколько бы ни рассказывал о родстве — для Саши это был чужой мужчина. Чужой мужчина, который вдруг решил взять на себя роль заботливого родственника. Его притворная семейная забота вызывает отвращение. Она казалась фальшивой, ненужной, почти оскорбительной, особенно сейчас.

А это спокойствие Джокера вызывало злость. Самый яркий ужас уже отступил, но полное осознание произошедшего ещё не пришло. Но вести себя так холодно и спокойно, будто ничего

не произошло, казалось ненормальным. Эти мужчины говорят так, словно знают его родителей всю жизнь, а, следовательно, и Сашу, но в то же время у них нет никакой реакции.

Сейчас пришло осознание, что родителям никто не закрыл глаза. Такое кощунство папа ему это напомним с того света — он слишком был принципиальный.

Машина наполнилась гнетущей тишиной. Шрам включил музыку совсем тихо, а вот дождь продолжал барабанить по крыше. Саша сам не заметил, как город закончился, а за окнами появился лес. Потом озеро. Сейчас ещё не возникало ощущения гнетущей опасности. В груди была пустота и непонятная боль, идущая откуда-то из живота в сердце, а оттуда обратно.

Джокер махнул в воздухе, думая, что Саша не видит. Он говорил с паузами после каждого предложения, словно говорил по телефону.

— Мы нашли его. Да. Нет. Не успели.

Затем вновь смахнул. Он смотрел куда-то напротив себя, каким-то непонятным взором. Заметив изучающий взгляд, он лишь слегка улыбнулся. А вот Саша на это повёл плечами и вернулся к окну. Точно сумасшедший. Возможно, часть про магию это и правда. Но у самого мужчины явные проблемы с головой: с воздухом разговаривает.

Вскоре они были на месте. Красивая вилла на берегу озера, огражденная большим кирпичным забором, а с другой стороны заканчивалось садоводство, и начинался лес. Машина остановилась прямо под дверями здания. Саша остался сидеть и смотреть в потолок, пока ему не скажут что делать. Шрам вышел первым, направляясь к багажнику. Следом вышел Джокер, проговорив подростку делать то же самое.

Саша вышел из машины, чуть хлопнув дверью. Гелик всё-таки. Джокер не обратил на это внимание, просто завёл в дом. И первый, кого там увидел Саша, была рыжая девушка, которая плавно спускается по ступенькам.

— Это какой-то сюр. Он насильно забрал меня из клуба. Что это вообще такое? — возмущалась она, сверкая озлобленными, голубыми глазами.

Она остановилась, рассматривая нового персонажа. То же самое стал делать и Саша, пытаясь понять насколько важна эта персона здесь и насколько может быть опасна. Выглядела она скорее как представитель какой-то неформальной субкультуры: на сетчатых колготках черные шорты, чёрная майка и черная кроп-кофта. Отдельно его удивило, что она ходила в босоножках на платформе по дому. Как в обуви и дома?

— Ленор, сейчас не до тебя, — отмахивается Джокер.

Саша озадаченно смотрел на обоих, но ни слова не сказал. А вот возмущению девушки не было и предела, видимо, ее самолюбие было задето. Она что-то обиженно пробубнила себе под нос, развернулась и пошла наверх. В этот момент Саша подметил для что одна нога короче другой. Не сильно, однако, когда она шла по лестнице, это бросилось в глаза. Следом пришло осознание, что он думает вообще не о том в данной ситуации и вообще ведёт себя неприлично, откровенно лапая её взглядом. Хотя мысль, что он её где-то уже точно видел, не покидала его.

Джокер повёл наверх, пояснив что это его подопечная. Здесь же на вопрос пояснил, что гости здесь крайне редкие. Однако гостевая комната всё же имелась. Словно ждала этого момента. Комната оказалось обычной спальней с двухместной кроватью, шкафом и столом, из приличия. Не обжитая, что, в общем, логично. Пыли тоже не наблюдалось. На кровати лежало полотенце, а ещё здесь пахло старым деревом от мебели. Старший поставил рядом с дверью чемодан. Из окна открывался вид на озеро, от чьей воды отражался свет луны.

— Если что-то забыли, купим, — уточняет Джокер, после чего потянулся и осмотрел свою перчатку, словно в ней есть что-то новое и интересное. Либо он желал увидеть там что-то новое.

— хорошо, — понаблюдав еще немного за водой, он повернулся и глянул на мужчину, — И это есть мой новый дом?..

— Временный, — потом добавил чуть мягче, глянув на подростка — Пока побудешь здесь.

— А потом?

— Когда всё уляжется, переедешь к родителям.

— к каким родители? Твоим?

— Нашим, — он поднял ладонь, останавливая готовое сорваться возражение, — Не сейчас, Саш. Правда, не сейчас.

Повисла короткая пауза, которую Джокер нарушил первым:

— Так что ты будешь на ужин?

Саша нервно усмехнулся.

— Серьёзно? После всего этого?

— Особенно после всего этого.

— Без разницы. Так хочешь меня накормить? Как бы меня после такого ни вырвало.

На губах Джокера мелькнула слабая улыбка.

— Если вырвет, разберёмся, — пожав плечами, сказал он, — Но голодным я тебя всё равно не оставлю. Поверь мне, язва тебе не нужна.

— Магия не помогла?

— Помогла, — Джокер усмехнулся, — Но потом я решил, что могу есть всё подряд и не расплачиваться за это. Оказалось, могу, — он сделал небольшую паузу, — Просто расплачиваться приходится позже.

В комнате снова стало тихо. Оба молчали, словно понимали, что говорить нужно совсем о другом, но ни один не знал как.

Наконец Джокер отвел взгляд к окну, подытоживая:

— Ладно, — кивнул он на чемодан, — Разбирайся пока, — потом немного замялся, — Если что-то понадобится... не ищи повод. Просто скажи.

Последняя фраза прозвучала неожиданно неуверенно. Будто он сам не привык её проносить, но довольно быстро вернул свой привычный тон:

— Я пожарю мясо.

Уже у двери он остановился.

— И, Саш...

Парень поднял взгляд. Джокер несколько секунд подбирал слова.

— Мне жаль, что знакомимся при таких обстоятельствах, — после этого он почти сразу отвернулся, — Отдыхай. Уснёшь — будить не буду.

После чего Джокер ушёл, оставив подростка в одиночестве. Саша проводил брата взглядом и стал минимально обустроить комнату: раскладывать вещи, передвигать имеющуюся мебель, такую как: тумбочки, стулья, мягкий пуфик. Руки хотелось занять чем-нибудь, при этом не забивать голову лишними звуками, ведь собственные мысли только-только стихли.

Однако тишина долго не продлилась, вскоре он сел у панорамного окна, облокотившись спиной о стену, и стал вслух перебирать всё что произошло. Почему-то создавалось ощущение, что вот все эти события — сон. Что они с родителями приехали куда-то на отдых, мама с папой в другой комнате, и утром они вновь увидятся. Но при этом же разум твердил, что нет — это не так. Принять факт смерти родителей нужно было и, желательно, как можно скорее.

Паника охватила тело ещё больше, когда пришло осознание, что он доверился какому-то незнакомому, сумасшедшему фокуснику, тот завёз его куда-то, а телефон на этом фоне где-то забылся. А может лежит в чемодане. Ситуация патовая. И крайне опасная.

Было решено, что лучшим вариантом в этой ситуации будет пока вести себя спокойно, подыгрывать и, если найдётся телефон, отправить кому-нибудь сообщения с лицами его похитителей и местностью. Возможно, даже геометкой.

Осмысливая спокойным мозгом всё, что произошло, правда в словах есть. Его не пытались убить, с первых секунд знакомства Джокер старается вести себя как реальный, заботливый, старший брат. Не сказать, что кто-то хотел навредить ему, скорее переживали о нём и старались защитить. Папина серёжка на его ухе, откровенные нечеловеческие способности в реальной жизни, которые он увидел своими глазами. Злить этих людей нельзя. Но при этом нельзя терять бдительность. От результатов его «обычного» поведения и реакции окружающих можно будет отталкиваться в дальнейших выводах и решений.

Спустя почти два часа, Джокер позвал за стол. Он успел переодеться в домашнее, оставив на своих руках черные перчатки. На его правой руке и правом плече была татуировка, что сразу приковала внимание. Она была в цветочном узоре и переливалась из синего в зеленый, подобно лавовой лампе. В один момент на татуировке закрылся один бутон, но открылся другой, от чего Саша даже выпрямился. Джокер посмеялся с его выражения лица.

Они прошли на веранду. Там помимо знакомой уже рыжей особы сидела ещё одна девушка и мужчина, лет 50–60. Мужчину представили как Воронова Вениамина Сергеевича. Позже Саше разрешат называть его просто «Веней», но в диалогах почему-то Джокер обращался к нему как «Ворон», видимо от фамилии. А вот девушка оказалась его женой — Василисой.

Ворон создавал впечатление доброго дедушки. Он словно прожил долгую, тяжелую жизнь и давно перестал чему-либо удивляться. На старости лет он решил отдавать своё душевное тепло близким. Лысая от возраста голова, аккуратная бородка с усами, хмурые густые черные брови, но добрые карие глаза. От возраста силуэт уже поплыл, появился лишний вес, но он хорошо это компенсировал подходящей одеждой. Вот, наверное, весь этот внешний вид и теплый, вязаный свитер в стиле Пуффендуя создавал, скорее всего, образ этого самого дедушки, что безумно любит своих внуков, который подкинет приличную денежку, научит уху варить на костре, с ружья стрелять, но будет главным защитником от родителей и не будет злиться на выходки. Однако Джокеру он приходился своеобразным «крестным отцом».

Вася же смотрелась рядом с ним как внучка — максимум дочь. Она была красивой, высокой и длинноногой брюнеткой с длинными волосами и очаровательным круглым личиком. Нет, она не была обладательницей модельной внешности, хотя она бы могла быть красивой актрисой. Она девушка скорее с мягкой, но выразительной красотой. На первый взгляд она кажется хрупкой и утонченной, однако в ее осанке и взгляде чувствуется внутренняя сила и уверенность человека, который давно знает себе цену. Её лицо было овальным, с тонкими правильными чертами. Высокие скулы подчеркивают аристократичность внешности, а аккуратный прямой нос и чувственные губы делают образ запоминающимся, а вместе с фарфоровой кожей создавался образ куколочки. Сначала Саша подумал, что она просто типичная содержанка в этом доме.

Однако стоило им сесть, как Василиса раскрылась уже с новой стороны — любящей, а атмосфера сменилась на семейную. Да, это была настоящая семья, а не образ. Она укутала Джокера в плед, по-матерински отчитав его за голые плечи и руки в столь прохладную погоду и стала хлопотать по столу, насыпая парням и Ленору еду в тарелки. Сам «брат», избавившись от образа типичного бандита слегка растрепал волосы, будто он не придаёт им особого значения. При ярком свете в них стало возможно заметить винный отлив — едва заметную черту, которой порой обладали и волосы Саши. Он смотрел на всех уверенно, без агрессии, с лёгкой, тёплой улыбкой, будто заранее знает исход любого разговора. Он даже позволил себе снять перчатки, отложив их возле себя, показывая длинные пальцы, исписанные шрамами. Бледная кожа, прямой нос, четкая линия скул, сильный подбородок, высокий лоб. Однако они более утончённые и благородные, словно в его крови смешались древняя аристократия и опасность хищника, что делало его внешность аристократичной. Скорее бы Саша представил Васю рядом с ним, чем с Веней. Хотя, если они Как он там сказал? Подлунные, да? Вот если они — то

тут, может, играет история с бессмертием? Да ну бред. Хотя тётя Маша тоже выглядит вечно молодой, вечно красивой, словно не стареет с годами.

Саша сидел несколько на расстоянии от всех. Все-таки никому тут он не доверяет и пока не собирается. Василиса поставила перед ним тарелку с шашлыком и овощей с мангала, словно они на обычных семейных посиделках. За что получила тихое «спасибо», после чего парень пальцем скромно потянул на себя тарелку и принялся есть.

Вдруг нарушает тишину Ворон, сложив руки в замок на столе, обратившись к Саше. Голос Ворона был очень похож на голос человека, который всю жизнь работал с людьми и привык, что его слушают с первого раза. Низкий, глубокий, слегка хрипловатый от возраста. Без грубости, без рычания. Скорее спокойный бас с легкой усталостью. Он говорил неторопливо, размеренно. Его голос почему-то напомнил тёплый плед зимним вечером или того самого уютного, приятного университетского преподавателя, к которому Саша ходил заниматься физикой:

— Мы тебе не враги, Саш. Мы на твоей стороне, — Ворон говорил спокойно, будто вёл очередную сложную беседу: — И ситуация у тебя сейчас такая, что впору не вопросы задавать, а просто лечь и сутки спать, — на его губах появилась мягкая улыбка, — Но вопросы всё равно будут. И это нормально, — он кратким жестом руки указал на рыжую, лишь слегка оторвав её от своей второй руки и тут же вернув её на место, затем то же самое, но со следующим кандидатом, — Меня можешь звать Веней. Это Вася. Лера. А этого упрямец вообще Ян зовут. Не обязательно пользоваться кличками.

Ян недовольно повёл плечом, но промолчал.

— И ещё кое-что, — продолжил Ворон. — Если тебе понадобится поговорить, спросить, поругаться, пожаловаться на жизнь или на нас — приходи. Дверь открыта, — он посмотрел на Ленор, — На неё не рассчитывай. У неё характер тяжёлый., — на это он получил звонкое «эй», — Разве неправда?

На это Ленор фыркнула и отвернулась. Поэтому Веня спокойно закончил:

— В общем, спрашивай.

— хорошо, — задумчиво произнес подросток и осторожность где-то была резко утеряна, — Тогда: кто вы? Почему вы мне помогаете? Что это за место? Кого вы называете подлунными? Почему вы считаете, что я один из них? О каких родителях речь? У них есть хотя бы имена? Где они вообще? Почему за мной приехал Ян?

— Потому что ты мой брат, — сразу ответил Ян.

Ответ прозвучал быстрее, чем следовало. Сам Джокер это понял и раздраженно отвел взгляд.

— наших родителей зовут Ася и Хуа Чен.

Дальше Саша стал невербально ловить общую манеру разговора между Яном и Веней. Глубокий, но молодой баритон. Чистый, уверенный, чуть быстрее чем у Ворона.

— Это дом Ворона. За тобой приехал я, потому что должен был приехать я. И потому что никто другой не имел права быть с тобой в этот момент, — он перестал размахивать вилкой и ударил ей слегка по столу, словно не желая слышать возражений, но после небольшого хлопка по столу от Вениамина, он выпрямился и стал говорить более размеренно, словно по учебнику: «Подлунные — это не люди и они существуют: маги, вампиры, гули — много кто ещё. Вот сидят. — У нас есть свой мир. Своя страна. Родители сейчас там, они при власти. Они придут, как только смогут.»

Ворон спокойно подхватил рассказ:

— Когда ты родился, началась эпидемия. Очень тяжёлая.

— Очень, — коротко подтвердил Джокер, кивая в такт.

— Вас обоих пришлось спасать, — продолжил Ворон. — Я забрал Яна. Тебя доверили Сергею. Тогда это был самый безопасный вариант.

— Родители следили за твоей жизнью. Получали фотографии. Новости. Знали, как ты растешь, — он помолчал. — Иногда приезжал и я.

— Не помню, — кратко и довольно резко резюмирует Саша, нахмурившись.

На этот раз Ян даже усмехнулся, глянув на него, не повернув головы.

— Тебе было лет пять. Было бы странно, если бы помнил.

— Когда всё закончилось, — продолжил Ворон, — перед нами встал вопрос: забирать тебя или нет.

— И никто не решился, — закончил Ян.

— Почему?

— потому-что так надо было, — с выдохом ответил старший брат, потерев рукой глаза.

— просто «потому»? — возмутился подросток такому ответу.

Закончил Ворон:

— Никто не решился менять пятилетнему ребенку жизнь.

Этот вариант тоже не устраивал. При этом в атмосфере повисла недосказанность, словно специально не договаривать, не трогают какую-то тему.

— мне кажется, — аккуратно, но с нажимом, говорит Саша, — Что раз такое дело, стоило бы сказать хоть что-то... мне кажется, я имел право хоть что-то знать, в первую очередь о самом себе.

Ян сразу отвел взгляд. Будто этот вопрос был слишком точным. Но при этом — в совсем не по адресу. На лице Джокера была тень вины, но только тень. Словно был расчёт, что Саша уже знает все, не придётся объяснять с нуля.

Но ответил не старший брат, ответил Вениамин, кратким «имел». Но это Саша поднял взгляд, полный удивления. Ян замер, словно пробитый мелкой дробью.

— Имел, — повторил мужчина. — И я не стану говорить обратное. Но иногда взрослые принимают решение, которое кажется правильным в тот момент. А потом уже живут с последствиями.

Взгляд Ворона ненадолго остановил взгляд на Джокера, на что тот промолчал.

— а есть более материальное доказательство?

— свидетельство о рождении. Твоё. И передачи опеки, и смена твоей фамилии и отчества, — кратко, откуда-то из своего мира отвечает Ян.

— погоди... ты говоришь, что наш отец — человек при власти. Он отдал простому человеку, вроде как, своего сына? Я бы не сказал, что жил в роскоши.

— Не обычной семье, — Впервые за разговор Ян посмотрел ему прямо в глаза, но при этом словно сам себе не верил, — Надежной. И если честно... думаю, в некоторых вещах тебе повезло больше, чем мне.

— в смысле? — уставши от загадок, вздохнул Саша.

— Твой отец был рядом, — усмехнувшись без особой радости, подытожил брат.

— честно сказать: не имею ни малейшего понятия, с чем мне сравнивать. И не хочу.

— к сожалению, придется, — вздохнул Ян, вернувшись к еде.

— я люблю своего отца, — с камнем на душе сказал он, выделив «своего». Было явно видно, как ему тяжело. На том он замолчал и стал сверлить глазами тарелку

Джокер ответил не сразу. Он сидел и будто переваривал данную информацию, словно заранее понимал, что услышит именно это, но всё так же был не готов, отчего и застыл с вилок в руках. Эту тишину нарушило лишь его тихое:

— И правильно.

— Что? — удивленно переспросил Саша, остановив свою руку.

— Я сказал: правильно, — чуть громче и увереннее говорит Ян, сцепляя пальцы, — Никто здесь не собирается отнимать его у тебя. Не нужно выбирать между нами и им, — на

секунду в голосе появилась усталость. — И не нужно заставлять себя считать нас семьёй прямо сейчас, — затем отвел взгляд, говоря словно себе, — Мы этого не заслужили.

За столом повисла тишина и тогда Саша впервые почти поверил. Не потому что хотел. А потому что всё вокруг слишком хорошо складывалось.

Слишком логично, аккуратно. Как будто кто-то заранее построил объяснение под его боль. И от этого стало по-настоящему страшно.

— Но дом у тебя есть, — закончил Ян. — И если позволишь, мы хотя бы попробуем исправить то, что должны были сделать много лет назад.

Саша тяжело взглянул на брата, а потом молча продолжил есть. Джокер повторил это, но всё же произнёс через время:

— понимаю, — спустя время он уточнил: — В школу завтра хочешь?

— я хочу попасть во вчера, — язвительно ответил подросток, — Так, чтоб сегодня не наступило. И проспать до вечера.

— Боюсь, с путешествиями во времени у нас пока туго, — отвечает Джокер, на что Саша невольно, недовольно хмыкнул, — спать можешь сколько хочешь, но проснуться придется.

— я не хочу просыпаться, я хочу домой к родителям, — вывалил, чуть ли не криком Саша, слегка привстав, словно прямо сейчас его отвезут обратно.

Взгляды всех присутствующих устремились на него. Ленор подперла голову руками, задорно улыбнувшись, словно смотрит комедию. Затем многозначительно и хитро глянула на Яна. Тот сложил руки на столе и, стуча по нему пальцами, отвёл взгляд. Ворон шумно втянул носом воздух и прочистил горло, наблюдая за собственной тарелкой, словно она куда-то убежит. Василиса же стала водить пальцем по бокалу, словно пытаюсь найти на его дне ответы, но выглядела при этом самой виноватой. Именно в этот момент вдруг до Саши дошло, что он сказал. Он вспомнил, что дома, собственно, больше нет. Как нет и мамы с папой, да и вся реальность очень быстро — слишком быстро трещала по швам. Все словно забыли, что для него вся эта информация — это что-то из ряда сказки или фантазии. Он сам словно уже об этом забыл. И от этого стало безумно стыдно.

Он упал на стул, закрыв лицо руками. Слезы вновь хлынули с новой силой, но Саша старался их удержать. Вернувшееся сознание вдруг накатило чувством одиночества, предательства, утраты. Джокер хотел что-то сказать, но в этот раз его остановила Василиса. Тонко намекнув жестом, что сейчас это далеко не то, что нужно Саше. Сам же подросток спустя короткое время втянул в себя всё, оторвав руки от лица, и постарался вернуть себе свою расчетливость, холод ума и логику. Эти черты в нём всегда нравились родителям, они нахваливали его за это. Порой говорили, что за счёт этого он кажется взрослым, даже в детстве был похож на маленького взрослого. Наверное, неосознанно всё это время он старался держаться в этих чертах, чтобы не разочаровать тех, кого любил. А ещё мелькнула такая мысль, что весь родительский план мог построиться именно на этом.

На руках оставались частицы высохшей крови, ведь он так и не умылся, отчего противный ком, преследующий слёзы, подобрался к горлу и застрял где-то в районе кадыка.

Молча доев, он встал из-за стола и уточнил о наличии ванны. В роль путеводного клубка была выделена Ленор. Та недовольно поднялась со своего места и махнула рукой, мол, за мной.

Саша пошёл следом.

В полумраке дома она выделялась особенно хорошо. Рыжие волосы, будто огонёк, буквально притягивали взгляд. Не медные и не каштановые, а яркие, словно живое пламя. В остатках вечернего света они отливали золотом и янтарем, а под лампами и в тьме становились насыщенно-медными. Волосы мягкими волнами спадали чуть ниже плеч и выглядели настолько ухоженными, будто это её главная гордость.

Сама Ленор была невысокой — примерно на голову ниже него. Стройная, гибкая, с удивительно плавными движениями. Она шла лениво, словно ей было откровенно скучно зани-

маться ролью проводника, но при этом каким-то образом не упускала из внимания ничего вокруг. Она словно управляла пространством вокруг себя.

Когда девушка обернулась через плечо и включила свет в коридоре, Саша впервые смог рассмотреть её получше.

Лицо вновь показалось смутно знакомым. Красивое, с тонкими чертами и светлой кожей. Большие голубые глаза смотрели с откровенным безразличием, словно весь окружающий мир давно успел ей наскучить. Но за этой напускным безразличием чувствовалось что-то ещё — внимательность хищника, который замечает гораздо больше, чем показывает. Красивое овальное лицо, выразительные скулы, аккуратный нос и мягкие губы. Черты напоминают фарфоровую куклу викторианской эпохи, но эта красота не выглядит хрупкой. Даже сейчас, в домашней обстановке, в ней чувствовалась какая-то странная уверенность человека, привыкшего быть в центре внимания, и она показывала это своей внешностью. Она выглядит одновременно милой и опасной — как лисица, которая прекрасно знает о своей привлекательности.

Если Джокер создает ощущение защищенности, а Ворон надёжности, то Ленор вызывает совсем другое чувство. Она похожа на яркое пламя в тёмной комнате. Тёплое. Красивое. Манящее. Но если сунуть руку слишком близко, можно обжечься.

— вот ванная, — указала она всё тем же безразличным взглядом.

Он кивнул. Голос Ленор был низковат для её возраста. Не грубый и не прокуренный, а глубокий, бархатистый, с лёгкой хрипотцой. Её голос совершенно не соответствует образу избалованной звезды, который он уже успел составить. Вместо капризной девчонки он слышит голос человека, который слишком многое пережил. Не старый. Не взрослый. Но уже знающий, что такое боль, потеря и одиночество. Поэтому рядом с ней возникает странное ощущение: будто перед тобой одновременно знаменитая рок-звезда, дерзкая принцесса, уличная хулиганка и девочка, которая очень давно не чувствовала себя по-настоящему нужной. Если искать музыкальные ассоциации, её голос находился бы где-то между мягкой хрипотцой молодой рок-вокалистки и бархатным тембром человека, который умеет заставить целый зал замолчать одной фразой.

Поблагодарив её, он вошел в уборную. Когда он вышел из ванной, девушки уже не оказалось. Так что смело можно было отправляться в свою комнату и заканчивать с разбором вещей. Там же был найден телефон. Здесь не глушили связь, не давал сбоя поиск местоположения, а следовательно, в принципе Саша мог спокойно покинуть это место сам или позвонить кому-нибудь с просьбой о помощи. Значит и держать его насильно тут не собирались.

Полученная новая информация стала подвергаться обработке под скроллинг ленты и чатов. А также встал вопрос: кому писать? Уже успокоившийся и слегка отстранившись мозг сам дал команду набрать маму. Палец протянул нужный контакт. Раздалась гудки.

Саша даже не сразу понял, зачем звонит. Просто так было правильно. Так было всегда. В любой непонятной ситуации звони маме. Этому его учили с детства, поэтому вообще не удивительно, что он так сделал. Вот только звонить больше некому. Телефон переключился на автоответчик. И только тогда до него дошло. Он одернул себя и сбросил вызов. Будто опоздал на секунду и всё ещё мог что-то исправить. Экран потух. Мама больше не возьмет трубку. Никогда.

В общем чате друзья, в своей обычной манере, обсуждали предстоящий концерт. Кирилл хотел, но не знал, как отпроситься у матери. А Глеб, со свойственной ему легкостью на подъем и бойкостью, уговаривал его. Голова сообразила не сразу, что рыжая девушка на афише — это буквально та самая Ленор, что была с ним несколько минут назад.

Любимая артистка половины его класса прямо здесь, с ним в одном здании. Звучало как вызов. Почему бы не убить двух зайцев одним ударом? Отправить всем и сразу неназойливое «где и с кем он», а также чуть подогреть ажиотажа к своей персоне. Может даже, потом, сделать

скриншот записанного «кружка» и прогнать лицо Джокера через поиск. Если он в розыске — то информация найдётся. Хоть какие-то положительные эмоции за день.

Убедившись, что действительно ничего не путает, он направился искать рыжую бестию. Она нашлась так же за столом с Джокером и Вороном. Василисы уже не было, но она и меньше всего вызывает подозрения, из всей этой компании.

Саша подошел к ней сбоку и показал постер группы, уточняя не она ли там случаем. Девушка глянула, равнодушно и даже как-то уставшее подтвердила и уточнила:

— непохожа?

— в том и дело, что похожа, — декларировал парень, — У меня просто одноклассники по тебе и группе твоей тащатся. Можно я с твоей помощью немного поприкалываюсь над ними?

— валяй, — махнула она рукой.

— только сделай чуть более довольное лицо. А то будет выглядеть так, словно это я тебя в заложниках держу.

Она улыбнулась, сложив руки у подбородка, и презрительно блеснула глазами в его сторону. В них что-то проскользнуло, от недовольного хищника, под её «так?».

— да, вполне. А теперь попытайся сделать вид, что я тебя не раздражаю... секунд пятнадцать.

Саша достал телефон и стал записывать кружок. При том он слегка обнял Ленор за плечо. Джокер с Вороном на это лишь переглянулись, мол всё. Втягивается парень и привыкает. Ленор же слегка удивилась, особенно когда он погладил её по этому самому плечу.

— здорова, олухи, — торжественно начал Саша.

Ян молча наблюдал, закинув ногу на ногу, облокотившись локтем на подлокотник и сверху подперев щеку кулаком.

— Защитная реакция, — негромко заметил Ворон.

— Вижу.

— Не мешай.

— Даже не собирался, — весело усмехнулся Джокер, с лёгким смешком.

Они оба понимали, что дело не в концерте и не в Ленор. Парень отчаянно пытался доказать самому себе, что мир всё ещё нормальный и он не сошёл с ума.

Что завтра будут друзья, будет школа. Будет обычная жизнь. Хотя бы где-то.

При этом же взрослые мыслями догадывались, что Саша боится их самих. Однако, кроме как наблюдать за тем, как парень проходит свой путь принятия всего произошедшего, ничего не оставалось. Что бы они не делали, что бы не происходило, они изначально должны относиться к нему, как к загнанному в угол ребёнку.

— Спешу сообщить вам о том, что пока вы выбираете билет на концерт нашей любимой группы по карману, я выбираю самые лучшие, потому что эта восхитительная рыжая дама проведёт меня в вип зал, — он слегка повернул голову в её сторону, — Правда, солнышко?

После «солнышко», она смотрела на него с легкой растерянностью. От такой наглости опешила и, слегка проморгавшись, согласилась. Саша чуть сильнее улыбнулся и перевел взгляд на камеру, отлипнув от Ленор и став жестикулировать. При этом же сам встал и навел экран так, чтобы в кадр попали и Веня с Яном.

— возможно, увидимся на входе на следующий концерт. Но я обязательно вам принесу немного пыли из-за кулис, чтобы вам не так обидно было. Чао!

Запись остановилась, а Саша сел рядом с Ленор и положил телефон перед ней на стол. Была обещана реакция, о которой мечтает любой артист. На что она недовольно повела бровью и посмотрела на него. Прошло секунд десять, стало видно, что кто-то читает, а потом пишет голосовые, которые Саша сразу включил, переборщив с громкостью. Намерено. План был надёжный, как швейцарские часы. На Кирилла ставок особенно не было. Глеб же в свою очередь должен был обеспокоиться незнакомыми лицами сзади Саши и причинами, по кото-

рым его не позвали. А значит следом можно было бы предложить ему приехать, выдав точный адрес, и уехать с ним на байке. Да, сначала сам приехал, а теперь хочется смыться. Не стоит слишком сильно осуждать подростка в стрессовой ситуации. Нежелание завтра утром очнуться в холодной ванне и без почки играли ключевую роль в его размышлениях. При этом же в достоверности местоположения тоже приходится сомневаться. Если Глеб заинтересуется, то он приедет. А если приедет, можно будет уехать с ним тут же. Хотя бы до города, до ближайшей заправки, туда, где никто не говорит про магов, подлунных и других родителей.

Также надежды возлагались на Лизу. Она со своей любовью к правилам, общественно активной позицией и своей дотошной педантичностью не должна такое проигнорировать. Однако, реальность оказалось другой. Никто из друзей толком и не обеспокоился, не просчитал его великолепный план. Парни стали засыпать его матом от эмоций и обвинениями в использовании нейросетей. То ли друзья сегодня поглупели где-то вместе с ним, то ли просто друзей он выбирать не умеет. Есть третий вариант: план был не так уж и хорош. Но этот вариант не пользовался популярностью у его тараканов в голове, либо тараканы изрядно проредили за этот день и была опробована вторая попытка.

Ворон усмехнулся и коротко, негромко резюмировал, расслабившись:

— Он друзей проверяет.

— Проверяет на что? — так же тихо уточняет Джокер.

— Что они всё ещё существуют.

Ян на это горько усмехнулся. Нет, он считал по-другому и откровенно видел, как Саше больше интереснее снять взрослых, чем девушку. Но пытался это сделать, как в шпионских фильмах. Тут дело было вообще в другом. Но спорить с приемным отцом не горел желанием.

Саша уже разрешения не спрашивал, а снова считай из той же позиции, что была раньше — сбоку, начал записывать новый кружок. В этот раз, более чётко и открыто записывая мужчин, отчего Ян вопросительно глянул в камеру.

— я, нейро-Саша, от имени всех нейросетей этого мира заявляю, что мы с N-ни Раут, лишь плод галлюцинаций китайской нейронки, — он повернул голову к Ленор, — Правда, мой многоуважаемый коллега-нейробот? — после он перевел камеру так, что почти все пространство занимает Ленор — Нейросеть с рыжими волосами, помаши нейро-фанатам. Пусть дальше завидуют чужому счастью.

Его лицо была так близко, что она даже чувствовала его дыхание. Ленор сначала хотела отдернуть его, съязвить или хотя бы ударить, но почему-то в моменте одумалась. Показалось знакомым это поведение. Кому-то хватает сил шутить при всей тяжести происходящего. Покраснела, сама не зная от чего. Но затем опомнилась и прильнула к его плечу. Поздоровалась с ребятами, помахав. Для неё он был тёплым, словно батарея в зимний вечер. Саша попытался повторить тот же трюк, но уже с Яном, представив его откровенно «неизвестным» нейро-ботом. Джокер, конечно, был удивлён такой резкой сменой поведения и степени раскрепощения. Однако помахал рукой, на которой уже появились светящиеся трещины на пальцах, и продолжил наблюдать. В глазах «старшего брата» данное поведение младшего — это итог перегрузки сегодняшнего дня, стресса и вообще защитная реакция психики. А может он, сидя в ванной, принял новую реальность.

После того, как Джокер поздоровался, Саша остановил запись, опустил телефон и отлип от девушки.

— премного благодарен всем, — издав смешок, то ли над собой, то ли над ситуацией, сказал Саша, — Теперь будет весело завтра в школу идти.

Саша вздохнул, улыбнувшись. Вот только с этой вымученно улыбкой он казался особенно жалким. Все таки, как бы он сегодняшнее горе ни глушил смехом, оно его настигает осознание, что завтрашнего похода в школу на самом деле может и не быть. Это тоже сильно давило на

него. Он, кажется, ещё никогда так не хотел туда, как сейчас. Он чуть подбросил телефон, который раза четыре прокрутился в воздухе, поймал и положил в карман

— Большое спасибо за участие в кибербуллинге, — Он улыбнулся.

Слишком легко. Слишком «Обыденно». Будто это обычная ситуация, словно всего так было. Но это ведь не так, верно? Нет, он должен быть сейчас вместе с родителями.

— Могу завтра истории рассказать со школы... ну, как я им дальше буду мозги пудрить, если интересно.

На последних словах улыбка дрогнула, потому что вдруг пришло осознание: завтра школы может не быть. Ни завтра. Ни послезавтра. Ни через неделю. И никто пока даже не сказал ему, что будет дальше, что будет завтра. И самое главное, он сам не

— А пока я спать... всем спокойной ночи.

Саша, всё-таки несколько поникший, ушел раньше, чем кто-либо успел ему ответить. Ясное дело, что эта ночь его первая, когда он не обнимет мать перед сном, не поцелует отца, не услышит их голосов. Ночь будет тяжёлая, но сон наступает. Выбора нет. Пора ложиться спать. Ленор проводила его ошарашенным взглядом и... Даже сожалеющим, а внутри там что-то заверещало. Что-то знакомое, что-то своё.

На веранде вдруг стало тихо. Впервые за вечер здесь была звенящая тишина. Смолк дождь, что лил весь день. Стихли насекомые и прилетевшие птицы. Не было звука езды с трассы. Словно все и всё вдруг вспомнили: почему он здесь оказался.

Однако первая ночь без родителей была не последней в списке переживаний. На ночь дверь, на всякий случай, была подперта столом. Реакции друзей не последовало на незнакомые лица, а поиск по лицам дал только одно: Ворон — бизнесмен, Джокер — его наследник и заместитель. Пазл в голове складывался туго. Но вместо ответов появлялись новые вопросы. При том каждый из них становился тяжелее предыдущего.

Глава 2 «Дом, которого не должно было быть»

Ночь сгущает краски быстро. Совсем скоро за окном осталась только сплошная чёрная масса. Где-то там были сад, озеро, лес, дорожки, фонари. Но сейчас всё это растворилось во тьме. Стекло превратилось в зеркало, отражающее лишь комнату и самого Сашу.

Сон не шёл.

Стоило закрыть глаза, как перед ними снова возникал сегодняшний день. Записка. Кровь. Выстрелы. Лица родителей. Джокер. Всё перемешалось в один бесконечный клубок мыслей, который разум снова и снова пытался распутать, но только сильнее затягивал узлы.

Он сходил в душ почти сразу после того, как остался один. Долго стоял под горячей водой, пока кожа не покраснела. Казалось, ещё немного — и получится смыть с себя всё произошедшее. Не только кровь, засохшую на руках и одежде, но и сам этот день.

Не получилось.

Вместе в слив уходила только вода. Память оставалась. Стоило выключить душ, как всё возвращалось обратно: паника, страх, тревога и мысли, от которых хотелось спрятаться.

Он ворочался на кровати, рассматривал потолок, пересчитывал доски пола, трещины на стенах, собственные пальцы. Наверное, раз сто подносил руки к глазам и рассматривал линии на ладонях, словно искал там ответ.

Иногда казалось, что нужно просто проснуться из этого кошмара. Что утром он проснётся дома. Мама будет на кухне, отец снова включит телевизор слишком громко. И всё станет как раньше. Но каждый раз мысль обрывалась.

Не станет. Никогда.

Он вдруг понял, что завтра мама не разбудит его в школу. Послезавтра тоже. И через неделю. И через год. И даже на выпускной. Никогда.

От этой мысли стало тяжело дышать.

Слёзы текли сами собой. Сначала часто. Потом реже. Потом ещё реже. Пока не осталось ничего. Будто организм просто исчерпал запас. Лишь тогда усталость наконец победила.

Но через время Саша резко проснулся и сел. Его словно кто-то громко окрикнул, а затем толкнул. Во сне он падал. Падал бесконечно долго в холодную и тёмную пустоту, бездну. Туда, где не было ни земли, ни неба. Только ощущение, что сейчас случится что-то ужасное.

Сидя на кровати, он несколько минут пытался успокоить тело и разум. Да и вообще понять, где находится: чужой потолок, чужая кровать, чужие стены. Сердце колотилось так, будто собиралось пробить грудную клетку. А потом всё вернулось вновь. Погром, кровь, записка, родители и Джокер. И дом, который не был домом. Его словно вырвали из нормальной жизни и оставили в жутком кошмаре, из которого выхода не было видно.

Он свесил ноги с кровати, прижал ладони к лицу, согнулся и тихо в них прокричал. Тихо, чтобы ни один посторонний не услышал, не пришёл. Крик застревал где-то между рёбрами и горлом, превращаясь в болезненное мычание. Было больно. Было страшно. Было тошно. Было холодно. Было жалко, в первую очередь себя. Себя вообще всегда в первую очередь жалко. Но жалко было и родителей.

Это было странное чувство. Чувство, что его не просто бросили, что кто-то другой забрал у него его жизнь, его счастливое будущее и дом. Кто-то нагло украл у него родителей. И это чувство смешивалось со злостью. Настоящей злостью: горькой, несправедливой. Почему они ничего не сказали? Почему всю жизнь молчали? Почему оставили одну записку? Почему умерли именно сейчас? Почему вообще умерли?

Он зажмурился сильнее. Будто это могло помочь, но это оказалось не так. Ведь мёртвые не отвечают на наши вопросы. В голове одна за другой всплывали мысли. Если бы он раньше что-то заподозрил. Если бы быстрее вызвал помощь. Если бы сделал хоть что-нибудь. Если бы.

Если бы. Если бы. Разум понимал, что это бред. Но сердце упорно искало виноватого. И очень быстро нашло его в зеркале.

Через несколько минут дрожь начала понемногу отступать. Приведя мысли в порядок, справившись с дрожью в теле, он оторвал руку от лица и включил телефон.

Три часа ночи. Замечательно. Сколько он проспал, было сложно сказать, но по ощущениям не больше часа. Он даже не особо понимал, спал ли он или просто дремал. Но мог сказать чётко — снился какой-то кошмар.

Отец. Потом мать. Потом снова кровь. Затем он просыпался на пару секунд и вновь засыпал, не особо запомнив, что вообще открывал глаза. Иногда во сне родители были живыми. Иногда уже нет. Самым страшным было то, что кошмар продолжался.

Уведомление оповестило о сообщении Глеба:

«Ты в порядке?»

Либо друг узнал о трагедии, либо что-то сам заподозрил. Вот только поздно. Однако лучше сейчас, чем никогда. Саша долго смотрел на сообщение, потом открыл клавиатуру. Написал: «Нет».

Стёр.

Написал: «Пиздец».

Стёр.

Написал: «Родителей убили».

Стёр.

Палец завис над экраном. Что вообще можно написать на такое? Как объяснить человеку день, в который у тебя украли всю жизнь? Саша тяжело выдохнул и в итоге ответил краткое «нет», отложил телефон и посмотрел в окно. За стеклом темнел огромный сад, переходящий в лес. Почти парк. И вдруг в голову пришла ошеломительная, но до боли простая мысль.

«А какого чёрта я вообще здесь сижу?»

Сердце вдруг забило быстрее. Не от страха. От надежды. Совсем крошечной. Но надежды сбежать. Он никого не знает, никому не доверяет. Какой-то мужчина заявил, что он брат, другой назвался крёстным этого брата. Все вокруг рассказывают про магию, вампиров и другие измерения. Звучит как начало очень плохой криминальной хроники. Или как история человека, которого завтра найдут где-нибудь в лесу по частям. Да и к тому же — его здесь никто не держит. То есть и уйти он мог давным-давно. На самом деле он мог и не уезжать никуда, но об этом нужно было думать. А думать в тот момент он не мог.

Он посмотрел на дверь и вдруг понял, что сидит здесь уже несколько часов просто потому, что не способен нормально думать. Там, в квартире, когда кровь ещё не успела высохнуть, он вообще не соображал. Просто шёл за первым человеком, который сказал: «Я помогу». Как ребёнок. Как потерявшийся ребёнок.

И только сейчас разум понемногу начинал работать. А значит, появился выбор.

Саша поднялся, тихо натянул обратно толстовку. Действовал медленно, стараясь не шуметь. Будто любое лишнее движение могло разрушить хрупкую возможность выбраться отсюда. Взял с собой по мелочи остатки своего имущества: телефон, кошелёк, на всякий случай зарядку.

План был простым, отчего казался рабочим. Выйти, дойти пешком до ближайшей заправки, населённого пункта, магазина или чего-то другого, что точно будет на карте с точным адресом. Позвонить Глебу, дождаться Глеба и уехать с ним. Перекантоваться у него — его родителям он доверяет больше. А затем сдать в полицию. Возможно, сначала договориться с тётей Машей об опеке над ним. Она добрая, не откажет. Но придётся работать, не просто же так садиться на шею.

Он тихо вышел из спальни. Дом мирно спал, погружённый в сумрак. Не было никого, даже охраны. Тишину нарушали только храп, видимо, Ворона и тихое клацанье по механиче-

ской клавиатуре. Себе мысленно он отметил, что это самый прекрасный вариант. Кто бы там ни сидел, он не услышал ни крика, ни звука душа. Значит, был в наушниках.

Лестница раз противно скрипнула под ногами, но не особо громко. Он легко выбрался на улицу. Свежий ночной воздух ударил в лицо. А небо ещё пару раз громыхало. Впервые за день дышалось легко.

Он направился к воротам. Дорога была незамудрённой. Белый камень вёл точно к точке назначения. Массивные, кованые, железные ворота в четыре метра высотой, с шипами сверху. Они оказались заперты. Затем он осмотрелся. Тянулся забор из камня, примерно такой же высоты.

— Да вы издеваетесь...

Голос прозвучал неожиданно громко. Он тут же замолчал и оглянулся. Никого. Только ветер.

Стал идти вдоль забора. Ещё один выход должен был найтись. Либо забор из каменной кладки должен был перейти в дерево или хотя бы в железные листы. Однако с каждым новым углом всё больше и больше убеждался в одном: это какая-то тюрьма для миллионеров. На самом деле тут он сам для себя пошутил, что было бы странно стоять у его спальни, удерживая дверь, когда из этого дурдома выход один — вплавь или через ворота.

Наконец показались кусты роз. Они были густыми, разросшимися и оплетали стену полностью. А от многолетних лоз сами кирпичи стали выступать, где-то осыпались. Схема, как по ним вскарабкаться, казалась рабочей. Натянув рукава на ладони, стал аккуратно взбираться. Держался руками за стебли, а ногами старался попадать в щели между кладкой. Первая попытка сразу провалилась. Нога тут же соскользнула, да и кусты оказались куда более колючими. Вторая попытка. Первые же шипы впились в ткань, потом в кожу. Он зашипел сквозь зубы, но продолжил. Нога нашла выступ. Рука зацепилась за ветку. Ещё выше. Ещё немного.

И тут подошва соскользнула. Земля встретила его почти сразу. Всего на метр поднялся. Выругавшись, Саша с презрением глянул на розовый куст. Куст смотрел в ответ с абсолютным превосходством. Третья попытка закончилась примерно так же. Только теперь шипы победили ещё убедительнее. Оказалось, розы совершенно не предназначены для лазания. Кто бы мог подумать. Было решено оставить это гиблое дело и найти более понятный и знакомый вариант — дерево возле забора. И такое, правда, нашлось. Дерево стояло близко, под ним были какие-то декоративные кусты и много-много цветов. Примерился. По коре подошва не скользила.

Уже на финишной прямой, когда он потянулся к забору, желая ухватиться за него, ветка больно хлестнула по лицу. От этого нога соскользнула вниз, рюкзак, благо, обо что-то зацепился, потом порвался. Саша рухнул внутрь зелёного ада с криком. Где-то рядом недовольно каркнула птица. Он лежал среди веток, перевернулся на спину и старался прочувствовать каждую часть своего тела. Вдруг что сломал? Смотрел на небо. Там уже тучи отступали, и ярко блестела луна, будто нагло посмеиваясь над подростком.

— Великолепно.

Было решено не останавливаться. Из каждого утюга твердят: главное — не сдавайся. Ещё через десять минут борьбы с растительностью он наконец выбрался. Правда, не наружу, а обратно во двор.

В этот момент голова отказалась работать за отсутствием понимания слома физических законов. Затем пришло осознание, что в попытках аккуратно спуститься он спустился просто не в ту сторону. С высоты ёлок обе стороны были одинаковыми. Саша постоял какое-то время, кидая взгляд то на забор, то на растения, то на свои уже изрядно грязные штаны.

— Ладно, вы победили. На этот раз.

Он отряхнул одежду, потрогал поцарапанную щеку и прощупал свои рёбра. Затем медленно побрёл обратно к дому. Где-то раздавалась песнь совы, на которую пару раз строго гавкнула собака.

Возвращаться в комнату не хотелось. Спать — тем более. Поэтому Саша уселся на ступеньках веранды. Откинул порванный рюкзак, подтянул колени к груди и стал смотреть на озеро. Ночь была тихой. Спокойной. Только где-то далеко шумели деревья. Иногда плескалась вода, кричала какая-то птица.

В голове крутилась одна мысль. Если всё это правда... то почему именно сейчас? Почему именно сегодня? Почему нельзя было ещё хоть немного пожить обычной жизнью? Хотя бы неделю или день. Хотя бы ещё один вечер с родителями.

За спиной тихо скрипнула дверь, раздался голос Ворона:

— Не спится?

Саша вздрогнул, обернулся и стал внимательно смотреть на него. Он прошёлся с кружкой в руках до своего кресла, подвинул его чуть ближе к подростку. Судя по спокойному виду, он знал о побеге с самого начала.

— А?... — не сразу включился в диалог парень. — Ну... вроде того... А вы чего не спите?

— С возрастом сон становится роскошью, — Веня отпил из своей кружки. — О чём задумался?

— Да так... пытаюсь переварить сегодняшнее.

— И как? Получается?

— Нет, — тяжело вздохнул Саша.

— Поделишься мыслями?

— А что мне сказать? Моих родителей убили... ни за что... пришёл какой-то незнакомый мне тип, наставил на меня пистолет и набивается мне в друзья, говоря, что он мой брат. Как будто просто меня к смерти тут готовят... Вот почему просто пулю в лоб сразу не пустить... Или условия соответствующие... А тут... словно иллюзия нормальности...

— Ты прав. Это не безопасность. Это... контроль ущерба.

— Как понять «контроль ущерба»?

— Ты не должен был выжить во всей этой истории. Но выжил. А значит, это было зачем-то и кому-то нужно.

— А может, так было бы и лучше?... Были бы втроём с ними... как раньше.

Ворон подсел ближе, начав выбирать из волос подростка остатки растительности, при этом тихо приговаривая:

— Нет, Саш. Мы своих не бросаем. Что бы ни случилось, ты в этом не виноват. Тебе тяжело это принять — я понимаю. Ты имеешь право нас бояться, злиться, ругаться. Но мы не хотим тебе зла, это правда. Ты имеешь право жить. Любой имеет право. Вне зависимости ни от чего. И никто не вправе решать, кому жить, а кому умереть. Ни одна цель не заслуживает жертв ценой жизни. Даже одна смерть — это много.

Саша на это лишь горько улыбнулся, слегка отсел. Затем снял толстовку и ответил:

— Жить — это хорошо... Но одно дело жить, а другое — существовать. Ощущаю второе.

— Это нормально. У тебя горе, слишком много всего произошло. Нужно время переварить и принять. Но если в следующий раз решишь покинуть участок, скажи просто. Тебя не держат здесь. Скажешь, куда хочешь, — тебя отвезут. До города почти двадцать километров. Пешком не дойдёшь. И втихаря на камеру нас тоже снимать не обязательно. Поделишься, к чему был этот цирк с кружочками?

— Воздержусь, — отворачиваясь, пробубнил подросток.

Повисла тишина.

Говорить о чём-то Саше не хотелось. Ему и сидеть здесь не особо хотелось. Но то ли Ворона тянуло на беседы посреди ночи, то ли чай у него закончился, то ли Саша выглядел как тот, кому жизненно необходимо с кем-то поговорить.

— Забор победил?

— Вы следили? — вернул ему взгляд Саша, изумившись.

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— У нас камеры, — он очертил пальцем круг.

Саша несколько секунд молча смотрел на него, потом уткнулся лицом в собственные колени, тихо, но зло оповестив:

— Ненавижу это место.

— Верю.

— Кусты тоже ненавидишь? — уточнил Веня, подсаживаясь ближе.

— Особенно кусты.

Впервые за весь день уголок губ Саши чуть дрогнул в настоящей, а не притворной улыбке. Но только дрогнул и совсем чуть-чуть. И именно после этого создалось ощущение настоящего, а не фальшивого диалога. Не просто «так надо», не просто любезности, не игра.

Саша поднял взгляд на тёмную воду. Ветер качал камыши, в водной глади отражался лунный свет, словно маня утонуть в этом самом озере.

Потом неожиданно спросил:

— Они правда умерли?

Вопрос прозвучал настолько тихо, что Ворон не сразу понял, о чём он. Это был вопрос, который Саша себе за последние несколько часов задавал уже десятый раз. И каждый раз надеялся услышать другой ответ. Но ответ оставался прежним.

— Да.

Саша кивнул.

Они умерли. И ничего уже не исправить. Через несколько минут он поднялся.

— Я пойду.

— Спать?

— Попытаюсь.

— Если не получится — приходи.

Саша кивнул и вошёл в дом. Подниматься в комнату не хотелось.

Там было слишком тихо, темно и одиноко. Казалось, что стоит войти в эту густую тьму, как на него нападёт один из убийц родителей. Поэтому он решил немного пройтись.

Дом оказался куда меньше внутри, чем казался снаружи. Первым был зал, в него попадаешь сразу, какходишь в дом. Камин, диван, кофейный столик и два кресла. А ещё — высокие шкафы с большим количеством книг. Некоторые настолько старые, что страницы пожелтели от времени. Некоторые выглядели совершенно новыми.

Пройдя вглубь коридора на первом этаже, он заметил карту, мирно висевшую на стене. Это была не Россия и даже не привычная карта Земли, а карта чего-то другого, ранее неизвестного, но чем-то знакомого. Названия каждого государства звучали странно, непривычно и были написаны в своём уникальном стиле. «Орден Алого Соцветия» казался самым большим на карте. Орден «Тэцу-Не» — тоже очень большой. Орден «Тянь Янь» в основном располагался в горах. И смысл от такого государства? Орден «Юнь Ши» располагался на цепочке островов. Орден «Молин-Су», Орден «Белой Эгиды», Орден «Цзинхуа Чжи», Орден «Пустого Зеркала». Было ещё много-много мелких. Но разбираться в цифрах он не захотел.

Просто пошёл дальше. Следующей комнатой оказался кабинет Джокера. Во всяком случае, его пальто висело на стуле. И сегодняшняя кружка с кровью стояла там же. Поэтому вывод о хозяине напрашивался сам собой. Туда заходить, по логике, нельзя. Но дверь была открыта, а значит — можно.

Внутри царил странный порядок. Такой, который бывает только у людей, живущих в постоянном хаосе. С одной стороны, здесь всё было разбросано, с другой — прослеживалась некая система. Всё лежало в каких-то конкретных рамках помещения. Документы в папках, те — в стеллажах, на стеллажах, около них, на столе и возле него. При этом каждая папка

была подписана, а на столе под стеклом даже была расшифровка всех этих цветных обозначений. Красная — срочное, синяя — организации легальные, чёрная — организации нелегальные, жёлтая — законопроекты, зелёная — судебные производства, голубая — ПД, фиолетовая имела отметку «лунатики», а белая относилась к категории власти.

Ноутбук покоился на столе. Он был выключен, а его крышка обклеена сотней стикеров. Сам ноутбук был старым, по количеству пыли на нём и отходящему покрытию было видно, что он давно хотел уйти на покой. Но почему-то Джокер его ещё хранил. Рядом со столом была замечена сумка с ещё одним ноутбуком и новым монитором. Два пистолета, пара ножей лежали на тумбе недалеко от окна. И фотографии. Очень много фотографий, которые стояли между папок в рамках или украшали стену. Саша подошёл ближе. На одной был маленький Ян, лет десяти. Рядом стоял Ворон. Судя по внешнему виду — первое сентября. На другой — какие-то незнакомые люди. На третьей...

И вот он замер. На фотографии была его мама. Совсем молодая. Не такая, какой он помнил её последние годы. Без вечной усталости в глазах. Без морщинок возле губ. Без привычного выражения человека, который работает на двух работах и постоянно переживает за сына. Здесь она выглядела почти сердитой. словно фотограф отвлек её от чего-то важного. На старом диване лежал незнакомый парень лет двадцати трёх. Высокий, худощавый, с длинными конечностями. Его фигура напоминала скорее фехтовальщика или танцора, чем воина: ни капли лишнего веса, плавные линии. В этом лице улавливалось родство с Джокером: правильные аристократические черты, высокий лоб, тонкий нос и выразительные скулы. Его внешность казалась почти нереально гармоничной, словно художник слишком долго выверял каждую линию. В улыбке было что-то одновременно располагающее и настораживающее, наверное, то безумие, что горело в этих изумрудных глазах. Его густые, чёрные, вьющиеся локоны лежали вокруг головы облачком.

Лежал он на диване в одних штанах, а сверху, на его груди, лежал маленький Саша. Малыш тянулся к разбитым губам мужчины, словно желая содрать с них кровавую корочку. Нет, это был не папа, не Серёжа. Но... кто тогда? Неужели тот самый Хуа Чен? Он никогда не видел этот снимок. словно кто-то специально спрятал его от него. Это был точно сам Саша, маленький, но он. Те же глаза, тот же нос, та же родинка на шее.

Саша медленно сел в кресло. В комнате стало тяжело дышать. Значит... они не врал. Никто не врал. Он действительно брат Яну? Настоящий. Не приёмный. Не подставной. Настоящий. И почему-то от этого стало безумно жутко. Ему врал, его бросили. Было тошно и противно. Повесить фотографию с ним здесь, у себя перед глазами, но ни разу за столько лет не объявиться. Воздуха вдруг стало мало. Очень мало. Будто кто-то перекрыл кислород. Он снова посмотрел на снимок. Потом ещё раз. Потом ещё. Надеюсь найти ошибку. Что угодно. Но ошибки не было. Они говорили правду. Все. Ян говорил правду. Хотелось уйти, убежать, вернуться домой. Куда-нибудь подальше отсюда. Из глубин души, из сердца вырвался крик. Значит, всё, что говорили, — это правда. И родители ему врал, не говорили, подвергли себя опасности сами? О нём никто не подумал. Все думали только о себе. У этого малыша на фотографии всё было хорошо. Он там окружён любящими его людьми, в заботе и тепле. А Саша — нет.

Родители врал.

Мысль била по сознанию и душе железным молотом. Он даже не заметил, как пальцы сжали рамку. До боли и побелевших костяшек.

— Почему... — шёпот получился сиплым. — Почему вы мне ничего не сказали?..

Ответа не было. Как и весь сегодняшний день. Никто не отвечал. Мёртвые вообще редко отвечают. И от этого становилось только хуже.

Он снова посмотрел на мужчину, проведя большим пальцем по его щеке. Хуа Чен... Наверное. Наверное, тот самый настоящий отец. Настоящий настолько, что даже страшно. И

именно это причиняло боль. Не то, что он существует. А то, что существовал всегда. Все эти годы он где-то жил, дышал, ел, спал и смеялся. А Саша даже имени его не знал. Отец жил все эти годы в роскоши, жил свою лучшую жизнь, но ни разу не навестил Сашу, когда тот уже мог его запомнить. В груди поднималась злоба. Горькая и тяжёлая, отчего управлять ею не получалось. На родителей, причём всех сразу: от приёмных до настоящих. На Яна, на Ворона и даже Васю. На весь мир сразу. Все знали. Кроме него. Он оказался последним человеком, которому рассказали о его собственной жизни.

Смешно. Хотелось засмеяться. Или разбить что-нибудь. Или закричать. Или сделать всё сразу. Вместо этого он просто сидел и смотрел на чёртову фотографию. На своё прошлое. На доказательство того, что вся его жизнь была построена на тайне. На мгновение так захотелось, чтобы Джокер оказался маньяком. Самым настоящим. Чтобы всё оказалось ложью. Чтобы можно было продолжать ненавидеть. Чтобы не пришлось принимать правду. Но фотография лежала перед ним. Настоящая, безжалостная. И молчала, как любой хороший свидетель.

Саша толком не понял, как ушёл из дома в этот раз. Запомнил, как нашёл карту-ключ на столе Яна и с её помощью открыл ворота. Остальное размазалось в воспоминаниях. Будто он снова действовал на автомате. Как тогда. После убийства.

Шёл долго. С рюкзаком, толстовкой, телефоном и остатками гордости. Хотя потом не смог бы сказать ни одной улицы. Автобусная остановка оказалась пустой. План был прост: доехать до дома. Хотя дома больше не существовало. Он дошёл до автобусной остановки, сел на лавку и достал телефон. Вновь на автомате набрал маму. Номер больше не обслуживался. Механический голос сообщил об этом совершенно равнодушно, холодно. Будто речь шла не о человеке. Не о маме и не о чьей-то важной жизни. Просто о номере.

Саша не сбросил вызов. Так и сидел. С телефоном возле уха. Словно если подождать ещё немного, она всё-таки ответит. Он сидел ещё минут десять. Затем отнял его от лица, кинув в карман разрядившийся телефон. Потом посидел ещё двадцать минут. Посмотрел перед собой и вдруг понял простую вещь.

Домой он не едет. Идти некуда. Родителей нет. Дом пуст. Прошлая жизнь закончилась. Он остался сидеть под фонарём. Раздался очередной гром, луна скрылась за тучами, и полил дождь. Одежда промокла быстро. Холодный ветер заставлял чувствовать боль в груди от каждого удара сердца. Было не только холодно. Было одиноко. Он ощущал себя брошенным котёнком на обочине улицы. Никому не нужным.

В горле застрял ком от горечи.

За весь сегодняшний день о нём никто не вспомнил. Ни свой, ни чужой. Только когда он сам кому-то себя показывал, ему кидали крупички внимания, как какую-то подачку. А ещё он чувствовал себя бродячей собакой, чьё доверие предали, оставили умирать. Не было обратной дороги никуда. Да и, честно сказать, куда было идти — неясно. И тут он сломался окончательно. Не заплакал. Не закричал. Хуже. Перестал понимать, что делать дальше. Совсем. Потому что впервые за всю жизнь остался один. По-настоящему один. Вдруг мелькнула мысль — вернуться. Туда, к ним. К Яну.

И тут же стало страшно. Очень страшно. А если они уже поняли, что он сбежал? А если обиделись? А если решили, что он им не нужен? А если больше не захотят видеть его? Глупо. Очень глупо. Он знал этих людей меньше суток. Но мысль всё равно причиняла боль. Потому что впервые за весь день кто-то называл его семьёй.

А он сбежал.

Дождь продолжал лить с новой силой. Казалось, небо окончательно решило утонуть вместе с ним. Холодные струи стекали по волосам, затекали за воротник, промачивали одежду насквозь, но Саша уже почти не чувствовал этого. Он сидел неподвижно, обхватив колени руками, и смотрел куда-то перед собой, не замечая ни дороги, ни деревьев, ни серого утрен-

него неба. И в этот момент Саша вдруг понял, что всю ночь пытался сбежать от реальности, от чувств, от несправедливости. Он пытался сбежать от себя, а не из этого места.

И именно поэтому ничего не получилось.

Куда бы он ни шёл, что бы ни делал, какие бы заборы ни перелезал и какие бы дороги ни выбирал — всё это оставалось внутри. Оно догоняло его быстрее любых ног. Оно сидело в груди тяжёлым камнем, который невозможно выбросить. Наверное, впервые за эту бесконечную ночь Саша перестал сопротивляться. Не потому, что смирился, а просто устал. Устал настолько, что даже плакать больше не получалось.

Саша сидел так до тех пор, пока не раздался звук двигателя. Затем свет фар. Довольно быстро рядом остановилась машина. Джокер вышел первым. Саша даже голову поднял не сразу на старшего брата. Хотя тот не был злым или раздражённым, просто уставшим. А ещё в глазах, да и во внешнем виде, отражалась какая-то особенная тревожность. Он был в домашнем. Даже не так. Он сорвался ровно в том, в чём и лежал на кровати. Словно вскочил и сразу поехал искать его. Без подготовки. Без раздумий. Сразу.

И почему-то именно это окончательно добило Сашу. Не уговоры, не забота, не слова. А этот нелепый вид человека, который явно не спал всю ночь и сейчас стоял под дождём с мокрыми волосами и красными от усталости глазами. Потому что за ним приехали. Потому что искали. Потому что не бросили. Потому что заметили его исчезновение. Потому что не махнули рукой. Потому что не сказали: «Сам вернётся». После всего случившегося это казалось почти невозможным. Джокер несколько секунд молча смотрел на него. Не кричал, не читал нотаций, не требовал объяснений, а стоял и молча сверлил его взглядом. Затем тяжело вздохнул, словно старался так изгнать всё напряжение последних часов.

— Нагулялся?

Вопрос прозвучал почти буднично. Так, будто Саша просто задержался после школы. Будто сейчас не светало. И не было побега. Не было всего того кошмара внутри.

Саша опустил голову ещё ниже. Горло болезненно сжалось.

— Да, — тихо признался подросток.

И почему-то именно это короткое признание далось тяжелее любых слёз. Означало поражение. Означало, что он не справился. Означало, что вернулся. Означало, что все они были правы.

— Поехали домой.

Саша замер. Одно слово. Всего одно. И впервые за весь день слово «дом» не показалось ему чужим. Не вызвало боли, не ударило ножом по сердцу. Не вызвало перед глазами лицо матери и не заставило вспомнить пустой диван. Оно вдруг стало означать что-то другое.

Джокер протянул руку. И Саша вцепился в неё так быстро, словно боялся, что её сейчас уберут. Словно боялся, что передумают принимать его обратно. Не место, стены или адрес. А людей. Тех, кто сейчас приехал за ним под проливным дождём, кто всю ночь его искал. Тех, кому оказалось не всё равно. Джокер молча протянул руку. Саша смотрел на эту руку несколько секунд. А потом резко подался вперёд, хватаясь. Быстро, отчаянно, словно боялся, что её сейчас уберут, что Джокер передумает, что скажет: «Ладно, живи как хочешь».

Что окажется, что всё это было лишь обязанностью.

Пальцы сами крепко вцепились в его ладонь. И только когда Джокер в ответ сжал его руку, Саша вдруг почувствовал, как внутри начинает рушиться последняя стена. Не с истерикой, а тихо. Почти незаметно. Так рушатся стены, которые держались из последних сил. И впервые за долгое время ему захотелось не убежать, а просто поехать домой и лечь спать.

Пара дней прошли в тихом, мирном потоке. Абсолютно одинаковом. Саша сидел в основном в комнате, выходил только поесть, когда его звала Вася или Ян. В исключительных случаях — Ленор. Кирилл с Глебом задавали вопросы, но отвечать на них особо не хотелось.

Этим утром Саша проснулся ещё до будильника. Некоторое время он лежал в кровати, смотрел в потолок, стараясь окончательно проснуться. Белый. Мозг не сразу заработал. Потом память вернулась. Дом Джокера, кошмар, побег и сегодняшний день. Похороны. От этой мысли внутри что-то неприятно сжалось, а затем перевернулось. Словно душа до сих пор отказывалась принять подобное. А можно ли принять подобное?

Он сел на кровати. За окном только начинало светать, озеро было затянуто туманом. Все домочадцы спали, кроме кого-то на кухне, кто громыхал посудой. Даже удивительно — мир продолжал жить, словно ничего и не произошло.

К сожалению, естественные потребности тела никто не отменял. Поэтому он вскоре встал, оделся и поплёлся в ванную. Мама бы сказала, что он опять подметает пол своими штанами. Если не закончит школу — станет чудесным дворником или уборщиком. Говорят, они стали нормально получать. А что? Физический труд, работа на свежем воздухе.

Умывшись, он посмотрел на себя в зеркало. Под глазами залегли тяжёлые тёмные круги. Глаза выражали одну усталость, смотрели куда-то в никуда. Рана на щеке затягивалась туго. На виске выскочил какой-то прыщ, а на шее почернела гематома. За пару дней он словно постарел на пару лет.

— Красавец, — хрипло усмехнулся он собственному отражению и тяжело вздохнул.

Шутка получилась плохой, да и смеяться не хотелось. На самом деле вообще ничего не хотелось, разве что ещё спать. Но организм говорил, что столько спать нельзя, что в жизни есть ещё что-то. Но найти это «что-то» было тяжело.

Шаркающим шагом он пошёл вниз, на кухню. Когда он спустился, уже ожидаемо горел свет почти по всему первому этажу. В окно он заметил Шрама, тщательно намывающего машину. За кухонной барной стойкой сидел Ворон, попивая свой кофе. Он поздоровался, на что получил глухое «угу». Ворон внимательно посмотрел на подростка, который уже бесцеремонно открыл дверцу холодильника, ища взглядом привычные продукты. В груди прострельнуло. Которое утро в этом доме? Третье? И третий раз одна и та же ошибка — здесь нет привычных ему продуктов, нет маминой еды. Последней уж никогда не будет.

— Не спал? — уточнил Веня.

— Спал.

— Врёшь.

— Немного.

— Это уже лучше.

Ворон подвинул к голодному парню тарелку с гордой стопкой самых разных бутербродов. Колбаса и сыр с белыми корками не должны вообще вызывать доверия. Но в этом доме всё не вызывает доверия. Есть не хотелось, на самом деле совсем. Но Саша всё равно сел. Может, до головы сигнал о голоде не доходил, но мозгом было принято решение, что поесть нужно.

— Сегодня будет много людей? — спросил он спустя пару бутербродов.

— Нет.

— Почему?

Ворон отпил кофе, после чего ответил:

— Потому что твои родители были хорошими людьми.

— И что? — Саша удивлённо поднял взгляд. — Хорошие люди обычно не любят шум вокруг себя.

Ответ показался странным, но логичным. Через время в кухню вошёл Джокер с большой пачкой документов. На автомате подошёл к кофемашине, поставил туда свою кружку, которую уже давно пора было помыть. Он выглядел уставшим, рассеянным, но при этом же невероятно домашним. Джокер сел к ним за стол, отложил бумаги и, сверля взглядом стену, стал молча есть, попивая свой горький кофе. Сашин взгляд зацепился за верхний документ, где значилось

его имя. После короткого вопроса, можно ли посмотреть, Джокер двумя пальцами пододвинул к нему всю стопку, молча показывая, что от него ничего не скрывают.

Пачка была увесистая, большая. Сверху числились документы о смене опеки с приёмных родителей на самого Яна. Что-то уже было одобрено, где-то на полях карандашом отмечен адрес или пометка «доделать», «подать документы», «узнать у мамы». Среди них был и черновик, где Джокер выписывал номера телефонов, подсказки к своим действиям: зайти в больницу, попросить у классного руководителя характеристику, попросить характеристику в вузе, сначала получить справку 2-НДФЛ, заказать справку об отсутствии судимости, попросить Арину снять надзор, узнать у Акутагавы о секциях, купить тетради, сказать Васе купить цветы. Черновик был заляпан пятнами кофе, где-то жирный след. Были и случайные пометки по работе и личные: проверить документы отрядников, записать девочек в салон, купить уже наконец Василисе салон, рассчитать бюджет на гром, новые туфли Ленор, проверить небожителей, новое платье Васи, «Проводники потеряли поезд опять». Последнее вызывало некоторые вопросы, но, судя по состоянию старшего брата, было решено, что это уже бредни уставшего мозга.

Дальше документы были интереснее. Сначала свидетельство о рождении какого-то Мин Хуа. Затем свидетельство о крещении — Елисей. Потом новое свидетельство, уже Сань Хуа. Следом ещё одно крещение — Александр. Потом отказ от ребёнка, усыновление. Смена имени, фамилии. Появилось отчество. Александр Сергеевич Волков. Даже дату рождения сменили. Двадцать четвёртое сентября превратилось в двадцать девятое октября.

Саша перебирал бумаги всё медленнее. Каждая новая справка ощущалась не документом, а ещё одним ударом. Будто кто-то годами стирал его ластиком, переписывая заново.

В руки лёг паспорт. На фотографии был он. Эти серо-голубые глаза. Эти густые, непослушные, волнистые чёрные волосы с небольшим коричневым отливом. Этот прямой нос. Эти щёки с лёгкой бледной россыпью веснушек. Этот чёткий подбородок и аккуратные скулы. Эти густые брови. Но паспорт был чужой страны, и имя в нём было чужое. Дата выдачи — вчера. Дата рождения — его. В этот момент Саша вдруг понял, что всегда, когда ему не нравится написанное, он смотрит и ждёт, что буквы будут меняться, что всё написанное — привиделось. Но этого никогда не случается. Буквы не вскакивают со строчек, не разбегаются и не складываются в нужные, в «правильные» слова.

— Как меня зовут на самом деле? — тихо уточняет Саша, держа в руках паспорт. Ян сразу не отвечает. Он молчит долго, явно понимая, что ответ

— Не Саша.

От этих двух слов внутри что-то оборвалось: сердце болезненно пропустило удар, а лёгкие на мгновение забыли, как дышать.

— Тогда кто?

— Мин Хуа.

— Мин Хуа

Имя звучит чужим, будто он произносит имя умершего человека или имя незнакомца. Но никак не своё.

В горле появился какой-то ком злости. Какой, к чёрту, Мин Хуа? Какой вообще Мин? Кто это вообще такой и почему он имеет отношение к Саше? Шестнадцать лет он был Сашей. Саша отвечал у доски. Сашу звала мама ужинать. Сашу отец учил кататься на велосипеде. Сашу друзья отмечали в сообщениях. Сашу поздравляли с днём рождения. Саша плакал над телами родителей. А теперь ему спокойно, как в отчёте, говорят, что этого человека не существовало. И будто предлагают согласиться. Какое право они имеют сейчас право утверждать это? Кто такой Джокер, чтобы указывать Саше, как его зовут?

Саша резко пролистнул документы, выдёргивая из стопки всё, где мелькали другие имена — чужие, навязанные, переписанные жизни. Пальцы дрожали уже не от страха — от злости,

которая не находила выхода. Когда он собрал всё вместе, движение стало резким, почти автоматическим. Он начал рвать. Сначала аккуратно — потом быстрее, яростнее, превращая бумаги в клочья.

— нет ни какого Мин Хуа! — сорвался он, разрывая очередную страницу, — моё имя – Саша.

Бумага не сопротивлялась, послушно рвалась. Ян застыл, смотря как документы превращаются в труху.

- У меня нет других имён и быть не может!

Он не остановился, даже когда Ворон попытался перехватить его руки, спасая документы. Он вырывался, снова и снова разрывая страницы, обложку, документы, пока всё это не превратилось в бессмысленную бумажную пыль.

— я – Саша. Второго не дано. Саша! Саша! Саша! Моё имя Саша!

На столе остались только кусочки бумаги. Белые, серые, разорванные фрагменты, где уже нельзя было разобрать ни одного имени. Ни Мин. Ни Елисей. Ни Александр. Только мусор.

— не смей никогда называть меня ни одним из этих имён.

Он поднял взгляд, тяжелый, злой, будто пытаюсь прожечь всех присутствующих. Выдержал паузу, затем продолжил тихо:

- Я срать хотел на то, какие там традиции, какая логика была у этого имени – я всю жизнь был Сашей – я всю жизнь буду Сашей, пока не сдохну. Ещё раз я увижу эти мерзкие имена, я сожгу дом, я сожгу себя, я сожгу тебя, но я не буду носить эти мерзкие имена.

***

Поговорим немного о Глебе. Глеб всегда был любимым сыном. Об этом знали все и, в первую очередь, он сам. Он был долгожданным, вымученным и вымоленным сыном. На него возлагались надежды и родительские мечты. Но нужно сказать сразу, что этим не давили и заботой не душили. Отец был приверженцем старых традиций. А вот мать была той, что любит, любит сильно, но уже устала допекать сына опекой. Поэтому рос он в относительной свободе и в ответственности. Зарабатывать на байк пришлось самостоятельно, на телефон тоже, ноутбук — тоже. Чаще всего — отработывая у собственных родителей. Но это был скорее удобный вариант для всех, компромисс. И ответственность за все решения он нёс тоже сам. И за первую аварию, и за разбитый телефон, и за утопленный ноутбук.

Тихо было на улице. Дождь, что лил несколько дней, закончился. Середина мая говорила о приближающемся лете тёплой, даже жаркой погодой в середине дня. Где-то у соседей кричал петух, а птицы на деревьях радостно щебетали о хорошей погоде. Лёгкий ветер колыхал мамины цветы и листья деревьев. На улице было хорошо. Папа таскал туда-сюда кирпичи, месил бетон, в очередной раз переделывая заднюю часть забора. Мама копошилась в палисаднике. А Глеб сидел мирно в подвесном кресле под навесом. Нога ещё болела после последнего происшествия с байком, а палец ныл от свежей царапины. Папа строго-настрого запретил маме залечивать такие незначительные травмы, ибо Глеб — не девочка, потерпит, сильных увечий нет.

Раздался звук бетономешалки — не громкий, не такой противный, ведь звук доносился из гаража. По клумбе стала лезть наглая кошка. Мурка была красивая: белая, с большим чёрным пятном на мордочке и таким же чёрным хвостом. Её привлекала мята в палисаднике. Откуда-то вдалеке раздался гром, через время ещё один, сообщая, что скоро пойдёт дождь.

Сигарета нагло заканчивалась, оставаясь небольшим количеством тлеющего пепла. Не то чтобы Глеб был сильно курящим. Он курил редко, в исключительных случаях, как и отец. Очень редко. Последний раз — когда лежал в больнице после аварии. До этого — когда врачи три часа не могли сказать, переживёт ли мать операцию. Теперь вот снова. Хороший список причин. Такой, что даже самому становилось не по себе. И сейчас был именно такой случай.

Он сидел не просто так, а листал ленту «лицом к лицу». Уж каким образом и когда он зарегистрировался, парень не помнил. Скорее всего кто-то из друзей или маминых коллег открыл ему путь в теневой интернет — интернет, где не было места людям. Сводки пабликов по городу одна за другой публиковали новости о новой зачистке СЗ, народ подсчитывал потери, в страхе вглядывался в лица убитых, уточнял в комментариях о родных и близких. Массовая зачистка, да ещё и поквартирная, была первой на памяти Глеба. Но родители помнили подобные — минимум ещё две. Комментарии делились на несколько фронтов: кто уточнял, кто отвечал, кто твердил, что пора возвращаться в Середину, а кто-то пытался уверить, что от Середины не осталось ничего, кроме пепла и трупов. Приводящие же отвечали, что последние отстали от жизни и обладают устаревшей информацией.

Последний пост приковал взгляд надолго. На фотографии была квартира Саши, адрес тот же. Пост гласил: «Убиты двое: мужчина и женщина. Соседи видели машины Ворона».

Он видел пост об этом не первый раз, но в надежде получить чуть больше информации раскрыл снова — вдруг там будет что-то новое. Однако ничего нового не было.

«В ночь с 14 на 15, во время глобального рейда в квартире по адресу улицы Десента, дом 167/24, квартира 13, убиты двое подлунных: мужчина и женщина. Ребёнка в квартире не нашли, очевидцы говорят о том, что видели машины Ворона после происшествия. Если по адресу дома у вас есть близкие — свяжитесь с ними».

Вдалеке раздался ещё один раскат грома. Если у вас есть близкие по адресу дома — есть один. Неясно, в какую передрыгу попал. Вчера отправил кружок с этим самым Вороном и наследным принцем. Почему? Случайность? Или специально кто-то что-то сделал? Или это были разборки именно с тёмной аристократией?

Если честно, он даже не знал, жив ли Саша. Пару дней назад ещё присылал кружки. Улыбался. Подкалывал друзей. Обнимался с этой рыжей певицей. А сегодня его адрес крутят в сводках погибших. Странно. Человек может исчезнуть всего за одну ночь. Просто взять и превратиться в строчку новостей.

Лезть, разбираться в чужих проблемах Глеб не горел желанием. Это было подобно самоубийству. Перешагнуть дорогу аристократам, да ещё и криминального мира — нет уж. Своя жизнь дороже.

Поняв, что сигарета уже закончилась, он смотрел на неё пристальным взглядом.

— Нет. Не лезу. Не мои проблемы. Я слишком хорошо знаю цену собственной жизни.

Он выбросил окурочек в мангал и полез рукой на большую колонку, где лежали папины сигареты. Взял пачку, достал ещё одну и закурил. Подошедшая мама вырвала её из губ, бросив следом всё в тот же мангал. Шашлык сегодня будет явно с привкусом табака.

— Хватит. Мы что говорили о курении? Ты понимаешь, что у тебя здоровье не позволяет? Да, Глеб, ты не виноват в том, что родился таким. Ты не можешь позволить себе гробить здоровье, которое было выкуплено у чертей.

Знакомая тирада длилась ещё какое-то время, пока не подошёл папа за теми самыми сигаретами. Глеб закатил глаза. Этот разговор он слышал всю жизнь — с рождения, с первой операции и первого аппарата возле кровати, с первого врача, которого запомнил и который говорил родителям, что шансов мало. Но он выжил. Назло. Но вместе с жизнью получил бесконечный список запретов.

Не бегай. Не прыгай. Не дерись. Не нервничай. Не кури. Не живи, одним словом.

У каждого запрета был свой характер, своя история и, бесспорно, железная аргументация. Вот только одного он понять никак не мог: зачем они нужны, если есть магия? Ну вот зачем магия, если ей не пользоваться? Ладно Глеб, с коим врачи просчитались, и кристалл души треснул, да и не осваивал он так плотно магию крови. А родители? Вот что им стоит залечить все те последствия, что могут произойти?

— Ты меня вообще слушаешь? — возмутилась мама. — Слушаю. — И? — И уже могу этот монолог наизусть рассказать.

Она только всплеснула руками. Отец тем временем открыл пачку, вытащил сигарету и уже собирался прикурить. Мама резко повернулась к нему.

— А тебе можно? — Маш, мне идёт девятый век. — Десятый скоро начнётся, — аккуратно добавил сын. — И что? — возмутилась мать. — И если я захочу умереть от сигарет, — отец закурил, — это будет мой осознанный выбор. — Прекрасно. Один гробит себя, второй повторяет. — Я подаю пример самостоятельности. — Ты подаёшь пример идиотизма.

Глеб невольно усмехнулся. Этот спор тоже был старше него самого. Отец сел рядом на табуретку. Несколько секунд все молчали. Где-то снова прогремел гром. Мурка нагло развалилась прямо в маминой клумбе.

— Вот зараза — вздохнула мама.

Но выгонять кошку не пошла — устала. Отец выпустил дым и кивнул на телефон.

— Всё читаешь? — на это получил задумчивое «угу» от сына. — Есть что новое? — Не особо, — со вздохом признался Глеб и пожал плечами.

Он разблокировал экран и ещё раз посмотрел на фотографию дома. В груди снова неприятно кольнуло.

— Переживаешь? Он же твой друг, — тихо спросила мама. — Да нет, всё нормально.

Ложь получилась какая-то неубедительная. Они сидели рядом уже несколько лет, ходили домой одной дорогой, списывали друг у друга, ругались, мирились, бегали друг к другу в гости. Трудно не переживать за такого друга.

— Жив хоть? — спросил отец. — Не знаю.

И это раздражало сильнее всего. Если бы Саша погиб — было бы страшно. Если бы был жив — можно было бы выдохнуть. Но неизвестность была ужасной на вкус. Словно испорченная ягода в компоте, которая испортила весь вкус.

Глеб открыл переписку. Последним от него, в общем чате, висел кружок. Саша улыбался в камеру. Рядом сидела та самая рыжая певица. Они что-то шутили и даже смеялись. Вели себя так, словно весь мир был абсолютно нормальным местом. Всего пару суток назад.

Глеб смотрел на видео несколько секунд. Потом заблокировал экран.

— Напиши ему, — сказала мама. — Зачем? — Чтобы узнать, жив ли. — А если нет?

Она замолчала. На этот вопрос ответа у неё не было. Отец затушил сигарету о край мангала.

— Тогда тем более напиши. — Уже писал. Много раз. Не отвечает. — Позвони.

Глеб посмотрел на телефон. Палец завис над экраном. Звонить было страшно. Страшнее, чем он хотел признавать.

Потому что пока звонка нет — Саша как будто ещё существует в привычном мире. Сидит где-нибудь дома, со своей матерью. Зависает в компьютерных играх. Или пялится в телефон и жалуется на учителей. Живёт своей обычной жизнью, а один короткий прозвон мог это всё разрушить. И разрушить представление, что хоть где-то в этом мире безопасно.

Телефон всё ещё лежал в руке. Кнопка вызова была буквально в одном касании. Но Глеб так и не нажал. Вместо этого экран вдруг мигнул новым уведомлением.

«Сбор завтра в восемь. Не опаздывай». — сообщение от Лизы.

Глеб тяжело вздохнул, вспоминая об очередной прекрасной аванюре подруги. Как он туда попал — не совсем ясно. Но если он может так прогулять уроки — самое то.

Он открыл переписку. Человек десять сообщений спорили о том, кто опять забыл удлинитель, кто привезёт колонки и почему ударник уже третью неделю обещает настроить установку. Ничего нового, всё как обычно у этого школьного совета.

И почему-то именно это оказалось приятно. Пока где-то кого-то убивали, пока люди считали трупы, пока рушились семьи, его идиоты всё ещё ругались из-за удлинителя. Мир продолжал жить.

— Завтра репа? — спросил отец, заметив сообщение. — Угу. — Ну и правильно. — Что правильно? — Жизнь продолжается.

Глеб невольно поморщился. Ненавидел эту фразу. Обычно её говорили люди, которых беда обходила стороной, которые не знали страха и не знали, каково это — сидеть на чемоданах, прокручивая в голове план побега, план как жить без одного или сразу двух родителей. Но отец имел право её произносить. Он хоронил друзей, пережил войны между Орденами, потерял половину семьи ещё до рождения Глеба. И всё равно каким-то образом продолжал строить заборы, ругаться на цены цемента и смотреть футбол по выходным. Словно мир не разваливался на куски каждые несколько лет.

— Если не поедешь, Лиза тебя сожрёт, — заметила мама. — Лиза меня и так сожрёт. — За что на этот раз? — Я обещал помочь с аппаратурой ещё вчера. — И? — Забыл.

Отец рассмеялся.

— Вот поэтому наследство я на мать перепису. — Очень смешно. — Нет, я серьёзно. — Пап. — Что? — У тебя кроме меня наследников нет. — Вот именно. Поэтому и страшно.

Мама фыркнула, а Глеб улыбнулся этой своей саркастичной улыбкой.

Телефон снова завибрировал, сообщая, что вообще-то у всех закончилась учёба. На этот раз уже другой чат. Парни спорили, где собираться вечером и чей мотоцикл громче. Кто-то уже успел выложить фотографию разбитого крыла, кто-то искал запчасти, кто-то хвастался новым шлемом. Обычная ерунда. Та самая ерунда, из которой и состоит жизнь.

Глеб пролистал сообщения, ответил на пару шуток, отправил смеющийся смайлик. Даже забыл на несколько минут про фотографию квартиры на экране. И только когда телефон снова погас, взгляд сам собой вернулся к его черноте. Туда, где всё ещё должен висеть номер Саши.

Никуда не исчезнувший, никуда не пропавший. Просто молчащий. И почему-то это молчание вызывало тревогу уже за собственную шкуру.

Глава 3 «Завтра зазвучит колокольчик»

Дорога до кладбища шла в молчании. Никто не был готов разрушить эту тишину. Ленор на похороны ехать отказалась, да и не то, чтобы она была там нужна. Она его родителей не знала, они её тоже. Саша уже смирился с утверждениями, что родители были знакомы с Вороном и Джокером, но вот девочки — точно не входили в этот круг знакомства.

Саша сидел возле окна и смотрел на город. За окном мелькали прохожие и машины. Суетились дети возле школы. Жизнь вокруг продолжалась, не стояла на месте и не желала менять свой темп. От этого было противно и росло раздражение.

Какого чёрта всё продолжалось? Почему люди смеются? Почему разговаривают? Почему солнце вообще решило сегодня взойти? Разве мир не должен был остановиться?

Наверное, глупый вопрос. Ответ был нет. В рамках мира, его истории и чужих жизней ничего не изменилось. Даже в жизни новой семьи не было никаких потерь, лишь прибавление. Но очень хотелось, чтобы весь свет остался хотя бы на один день, хотя бы на один час. Замер на минуту, дав возможность всё осознать, выдохнуть. Принять смерть родителей в конце концов.

Кладбище встретило их тишиной. Гнетущей, тянущей. Небо затянули серые облака, ветер шевелил верхушки деревьев. В этот момент проскользнула мысль, что Саше запретили надевать чёрное, дали тёмно-синюю рубашку и заставили одеть джинсы. Похабство, а не традиция. Родителей будут хоронить по подлунным традициям, а не человеческим. Главное, чтобы это было достойно. Саша, к сожалению, права голоса не имел в этом вопросе. Хотя, казалось бы, кто если не он?

Саша посидел немного в машине, затем вышел. Слегка поднял ноги. Мокрая земля противно схватывалась за черные кроссовки, держала и словно пыталась утащить его туда — в землю. Туда, где скоро будут лежать родители. Замерев, он смотрел как достают два гроба. Они были не такие, как представлял Саша. Форма была та же, традиционна, но дерево было белым, необтёсанная берёза. От ручек гроба друг к другу весели белые лента. Они были как по бокам, причём всех, так и снизу. На удивление, Саша даже сосчитал различие. На каждой ленте, кажется, у отца было по семь колокольчиков, а у мамы — три. Снаружи гробы украсили ветвями серебристого вереска. Это были любимые цветы мамы, так что было даже символично.

Крышки гроба были закрыты. Это было к лучшему, но глянуть на них в последний раз — очень хотелось. Словно там что-то смениться. Джокер подошёл ближе со свечой. Молча вложил в руки брата. Слова были лишними здесь.

В звянящей тишине он щёлкнул пальцами, на свече зажегся синий огонёк. Оглянувшись, Саша заметил знакомые лица. Вот папин друг, мамина подруга, это папины коллеги, этих людей он видел на фотографиях, но не в живую. В этот момент он вдруг осознал, как мало он знал о родителях и, самое ужасное, спросить не у кого больше. Люди удивлялись свечам, что им дали, но послушно зажигали.

Джокер всё же сказал вдруг, очень тихо:

— ты идёшь впереди процессии. Мы несём гробы.

Спорить не хотелось. И разрываться между не хотелось. Джокер и несколько папиных друзей, неизвестных людей, подняли гробы и взвалили их на плечи. Ворон аккуратно указал куда вести, после чего подошёл к Яну, взяв гроб на плечо. Он там был словно лишний, ему было мало места, да и остальные явно справлялись. Но, раз так принято, пусть.

Саша сделал шаг вперёд, потом ещё и ещё, направляясь к указанному месту. Они шли мимо оградок, чужих могил. Шли спокойно, медленно. Шуршали листья, ноги несущих гробы шаркали по бетонным плиткам. Кто-то тихо плакал.

В голове прокручивались воспоминания. Звонок. Мама идёт открывать.

- кто там? – раздался тихий голос матери тогда, - Майский? Что ты тут делаешь? Серёжа!

Отец подорвался, в тот момент раздался грохот. Перепуганная мама, держась за плечо, вбежала в комнату.

- Валя, - изумился отец, тут же перехватывая жену, беря её за руки.

Но яркая вспышка, звук хлыста и мамина голова падает на пол, отрубленная от тела. Папа в изумлении падает на колени рядом с ней, все ещё держа её, прижимая к себе, с гневом смотрел на ворвавшегося. С ним был ещё один мужчина. Как же он выглядел?

Вдалеке показались две свежие ямы, рядом друг с другом, под старой ивой. Колокольчики на гробах тихо звенели, словно отпевая умерших.

Тогда тот мужчина с хлыстом замахнулся, отец тут же вскочил, хватая его за руку и валя на пол, поняв, что целиться он в ребёнка. Хлыст ударил по креслу, где сидел Саша, от чего он упал и ударился головой. Если бы он очнулся раньше. Если бы тогда — он не отключился. Если бы.

Он встал у двух ям. Два гроба туда вложили и открыли крышки. На этих крышках какой-то герб с собакой и совершенно чужая фамилия — Фантомхайв. Чужие гробы? Вряд ли. Видимо, он совершенно не знал тех, кого считал родителями.

Два безжизненных тела, на половину уже разлетевшихся пеплом — ещё тлели, осыпались на бархатную обивку сыпался пепел. Сглотнув, в горле и вверху груди что-то стукнуло. Подбородок и мышцы на шее противно дрогнули, а грудная клетка на мгновение сжалась, словно желая собраться в одну маленькую точку. В животе неприятно завертелось от нахлынувших чувств. Но это были уже не те чувства. Не хотелось рыдать. Хотелось броситься туда к ним, заставить подняться и перестать над ним издеваться.

От их рук тянулись нити к крышкам гроба. На груди каждого лежала монета. Джокер подсказал, что Саше нужно прикоснуться к монете и обрезать нитки.

Саша на мгновение поднял взгляд на памятники. На фотографии матери была та самая улыбка: теплая, добрая, душевная. Та, которой она встречала его после школы. На фотографии отца всё тот же спокойный взгляд. Словно сейчас скажет с той самой своей задорностью: «Ну что, чемпион, как дела?».

Но взглянув на лица тех, кого так сильно любил, этого он не увидел. Подросток метался взглядом от фотографии на тела и обратно, пытался найти схожесть. Это были словно не родители. Но в один момент, фотографии словно поменяли свой взгляд. Мама так же улыбалась, но как-то, будто горько. Словно спрашивала «за что?». А отец уже улыбался не задорно, а скорее искривился в отвращении, с которым смотрел на сына. Проморгавшись — нет. Мама все же улыбается тепло, а папа задорно. Показалось.

Он всё же спустился в яму, где лежали два гроба. Прикоснулся к монете отца. Та слегка впала в тело, сообщая что там внутри — уже не осталось ничего. Обрезая нитку, смотря как она падает к отцу вниз, как белый цвет от пепла становится грязно-серым, он поймал себя на мысли, на ответе. Да, умерли. Умерли и больше не ответят.

Он проделал то же самое с мамой, застыв вдруг на её лице подольше и аккуратно всплакнул, от чего с его лица на мамину щеку упала капля. Это не сон, не кошмар, не ошибка, не розыгрыш. Они действительно умерли, по-настоящему и навсегда.

Ноги вдруг стали ватными. На направленный взгляд, Ян подошёл ближе, помог вылезти, а затем тихо встал рядом. Ничего не сказал. Просто коснулась его плеч. Просто рядом, как человек, готовый поддержать его в случае чего.

Саша был благодарен ей за это. Очень. Люди подходили, кидали по цветку, что-то тихо говорили. Саша же почти ничего не слышал. Слова проходили мимо, будто сквозь воду. Он смотрел только в лица дорогих ему людей. Затем опять на фотографии. Внутри он все же никак не мог соединить эти два образа. Сердце отказывалось принимать тот факт, что мама могла

лежать там. И отец тоже не мог вот так лежать в гробу. Они же были дома, живы. Они его ждали, а это — чужие ему люди. Родители должны были быть в порядке, просто по умолчанию. Они дома, они ждут, мама что-то гремит опять на кухне, папа сидит в кресле у телевизора и все точно было хорошо, они приедут скоро за ним, и они вместе потом — на дачу. На дачу, где у мамы палисадник, где у папы мангал. На дачу куда они собирались ехать сегодня.

Но разум твердил обратное. Это всё было совсем недавно, ещё несколько дней назад. Ещё недавно отец ругал его за разбросанные носки, а мама просила купить хлеб. Ещё недавно они были рядом.

А теперь между ними будет лежать земля.

Джокер тоже что-то прошептал. Гробы закрыли. То, что будут сжигать тела — Саша знал. Но сделать это не смог, эту роль отдали лучшему другу отца.

Когда могилы всполохнули, он не смог этого выдержать и отвернулся. Просто не смог смотреть, это было выше его сил.

Но звук всё равно услышал. Треск огня пытался ласкать слух, казался липким, каким-то тяжёлым. А главное — он был окончательный. Последняя точка. После которой уже ничего нельзя исправить. И тогда впервые за всю церемонию по щекам потекли слёзы, беззвучно и как-то сами. И Саша даже не пытался их остановить. Просто склонил голову, закрыл лицо руками. Раздался крик, протяжный, из глубин души. Он, подобно маленькому ребёнку, звал родителей. В голову окончательно стало приходить осознание. Успокоившись, он глянул все же на огонь. От него вверх тянулся дым, взлетал пепел, летели в небо искры.

Подняв за ними взгляд, Саша заметил луну. Днём луну увидеть было тяжело, редко, но можно. К ней словно тянулись все эти искры, туда ушли его близкие люди. Губы сами, без звука, произнесли «спасибо», а через время «пока, мам. Пока, пап».

Он не хотел их запоминать такими, хотел сохранить в памяти образ любящей, весёлой мамы и доброго, мудрого, веселого отца. Не теми, кто скрывали очень много лет от него огромное количество тайн, а теми, кто всей этой душой любил всю эту жизнь и весь этот поганый мир.

Могилы стали закапывать, тем самым и тушили огонь. Когда они были зарыты, Джокер с Веней первыми поставили свои свечи на могилы. Люди постепенно делали то же самое. Саша долго не мог решиться, но в итоге тоже поставил свечу. Провел руками по надгробиям и встал, подошёл к брату. Ян обнял его за плечи и повёл к машине.

Вертел в голове произошедшее. В этот раз, вернувшись обратно, новый дом не показался таким чужим и тёмным. Может, потому-то был день. Он казался приветливым, открывающим свои двери. Он словно хотел заменить старый дом.

Джокер с Вороном ушли в дом, там Вася накрывала скромный поминальный стол для мужчин. Саша же остался на веранде. Сидел, прижал к себе ноги и смотрел на воду. Она замерла, но все ещё блестела. Через время вышел Джокер, сел рядом.

— Ты как?

— Полегче, — тяжело вздохнул он, — Но все равно тяжко.

— Больно будет долго.

— Зачем нужно было их сжигать?

Ян молча смотрел какое-то время на брата, потом аккуратно ответил:

— Считается: Они слишком долго смотрели в Бездну, чтобы оставлять тело миру живых.

Саша не ответил. Ян перевел взгляд вверх.

— Знаешь, — вдруг продолжил Ян, — У подлунных есть легенда, что когда мы становимся усопшими — то превращаемся в звезды на ночном небе.

— Странная формулировка «становимся усопшими», — поморщился Саша, от режущего слух выражения.

— Согласен. Но так принято. Мёртвый — лишившийся своего человеческого тела. Это смерть в человеческом понимании. Но когда ты живешь в мире с магией — смерть не преграда. Ты можешь умереть человеком, но через пару часов открыть глаза вампиром. Ленор, к примеру, даже могилу имеет, — на саркастичный взгляд подростка, он усмехнулся, — Правда. Она мертва человеком, но не как подлунный. А когда мы умираем окончательно и вариантов вернуться нет — то уже тогда усопший. Помогает не путаться.

— По-моему, было бы лучше если наоборот «мёртвый» — значит мёртвый, а «усопший» — умер, но не до конца.

— Всегда хочется верить, что родной человек вернётся.

— не спорю, — вздохнул Волков и поежился от отставшей внутри пустоты. А затем уточнил: — Кто со мной на фотографии?

— Где? — не особо понял вопроса старший.

— У тебя в кабинете висит фотография, где я маленький на руках у какого-то мужчины.

— А, — понятиливо протянул брат и будто бы облегченно выдохнул.

— Это, — он запнулся на слове «твой», задумался и потом продолжил, с явной брезгливостью: — Наш отец?

— Нет. Отец тогда болел. Это дядюшка Балор. Хотя

— Там есть такая фотография с отцом?

— Нет. Такой нет. Не помню, чтобы отец хоть раз пришёл тебя навестить.

— Ему было не интересно? — внутри вдруг всколыхнулась злость.

— Было. Думаю, было, потому-то фотографии все делались для него. Скорее состояние не позволяло. Не скажу, что сейчас он здоров. Но всё же лучше, чем тогда. Там с Балором тяжело. А как ты понял, что это ты?

— там у ребёнка бледные пятна по коже. У меня такие же под одеждой.

— Так значит по витилиго. Что ж, мог догадаться.

— У тебя есть такое?

— Почти. Наше с тобой витилиго — это особенность подлунных. Мы все бледные.

— Поэтому мне маминых кукол напоминает, — он улыбнулся, вспоминая эти мамины фигурки, — А почему у меня тогда не так?

— ну. Скорее всего, потому что ты жил в этом мире, а не середине.

Воцарилась тишина. Саша некоторое время подбирал слова и с тяжёлым вздохом задал тот вопрос, который так тревожил:

— Ты знал?

— Что именно? — Ян достал из кармана сигару.

— Что всё будет именно так.

Джокер замер. Несколько секунд он просто смотрел на воду, а потом на выдохе, вместе с дымом, сказал краткое «нет».

— Врёшь. — невесело усмехнулся подросток.

— Нет.

— Тогда почему мама оставила твой номер?

— Потому что мы понимали: однажды тебе придётся узнать правду, — выдохнул брат и словно попытался стряхнуть пепел.

— Каким удобным совпадением получилось.

— Саш, — поморщился Джокер.

— Нет, серьёзно. — Он наконец повернулся к нему. — Ты же не дурак. Ты что-то знал. Все что-то знали. Мама, папа и ты тоже знал. Только почему-то никто ничего не сделал.

Ян долго молчал, видимо подбирая слова, которые всё никак не хотели собраться в кучу. И впервые за все время, произнёс следующие слова как-то очень неуверенно.

— Мы делали.

— Плохо делали.

Ответ прозвучал слишком быстро, зло. Но Ян не огрызнулся, даже не попытался спорить. Это неожиданно выбило почву из-под ног.

— Да, — тихо сказал он. — Видимо, плохо.

Саша моргнул. Он ожидал чего угодно: оправданий, споров, лекций. Но никак не согласия.

— Ты даже спорить не будешь?

— А зачем? — Ян покрутил сигару между пальцами, табак тихо похрустывал под тонкой оберткой, — Думаешь, я сам себе этого не говорил? — он усмехнулся. Улыбка вышла короткой и какой-то чужой, не характерной ему. Слово предназначалась не Саше и вообще не только о этой ситуации, но и о чём-то ещё, — Уже раз сто.

Саша промолчал. Вода в озере была неподвижной. Даже ветер стих. Только где-то далеко, у леса, кричала птица.

— Я знал, что становится опасно, — наконец сказал брат. — Знал, что родители нервничают сильнее обычного. Знал, что они что-то скрывают. Но...

Он осёкся. Не потому, что не знал, что сказать, а потому что знал слишком хорошо.

— Но?

Ян долго смотрел на сигару. Думал, перебирал мысли. Подростку даже показалось, что он уже где-то не здесь, а в своём мире. Но потом вдруг спросил:

— Тебе когда-нибудь казалось, что у тебя ещё полно времени?

— Причём тут это? — нахмурился Саша.

— Просто ответь.

Подросток пожал плечами, неуверенно ответит «наверное».

— Вот и мне казалось.

Ян наконец вновь прикурил. Огонёк на мгновение осветил его лицо чуть ярче. И только сейчас Саша заметил, насколько брат выглядит плохо. Он был не усталым, нет. Усталость проходит после сна. А если и была какая-то доля, то точно не физическая. Здесь было что-то другое. Слово человек очень долго нёс слишком тяжёлый груз и уже не чувствовал собственных плеч.

— Я собирался приехать осенью, — он выдохнул дым, — Потом зимой, — Дым медленно растворился в дневном воздухе, — Потом решил, что лучше весной. А затем все же перенёс на лето.

— Не приехал.

— Не приехал.

— Потом снова дела появились?

Ян невесело усмехнулся.

— Дела всегда появляются.

Эта фраза оказалась колкой. Колючий как ёж. Потому что была обычной, повседневной правдой. Той самой правдой, из которой потом складываются сожаления длиной в жизнь.

— Значит, не очень хотел, — обвинил Волков, чувствуя, как в груди от обиды всё сжимается.

Ян поднял взгляд, впервые за весь разговор посмотрел прямо на него. Не как глава рода, организации. Не как человек, привыкший отдавать приказы. Не как старший брат. Просто как человек, который устал оправдываться и скрывать собственной боли и своих переживаний. Человек, который исповедовался в самом страшном грехе.

— Хотел. Очень хотел, — Он отвернулся первым, снова посмотрел на воду. Будто разговаривать дальше стало труднее, — Когда ты мне позвонил, я был в середине.

— И что сделал?

— Сразу выехал.

— Но всё равно опоздал.

Ян кивнул. Саша ждал объяснений, оправданий. Хотя бы попытки оправдаться. Но их не было. Только ещё один кивок и краткое, финальное:

— Да.

И от этого короткого «да» вдруг стало очень тяжело, потому что некоторые вещи нельзя исправить словами. Никак и никакими, даже если найти самые правильные.

Некоторое время они сидели молча.

— Знаешь, что самое мерзкое?

— Что? — Саша пожал плечами.

Ян задумался. Будто выбирал из слишком большого списка.

— Что память очень жадная штука.

— В смысле?

— Она не хранит то, что было, — объясняет Ян, стряхивая пепел, — Она хранит то, что могло быть, — Саша нахмурился, а Ян продолжил смотреть на озеро, — Теперь каждый раз, когда думаю о них, я думаю не о том, что случилось, — Он замолчал, — А о том, что было бы, если бы я приехал зимой, — ещё одна краткая пауза, — Или весной, — Ещё одна затычка, — Или просто на неделю раньше.

Саша не нашёлся что ответить. Да и Ян, кажется, не ждал ответа, поэтому затянувшись вновь продолжил:

— Может, ничего бы не изменилось, — Он пожал плечами, — А может, изменилось бы всё, — сигара почти догорела, — И самое паршивое...

Он впервые за весь разговор запнулся. Не специально выдержал паузу, а будто этот тяжкий грех вдруг сдавил его горло, от чего голос дрогнул, словно он сейчас сам расплавиться. Совсем чуть-чуть, на одно мгновение, но Саша заметил.

— ...что теперь я этого никогда не узнаю, — через ещё несколько мгновений тишины, он улыбнулся и решил пошутить, — Хочешь узнать, чем мы отличаемся от людей? У нас налоговый кодекс толще уголовного.

— и почему? — тяжело вздохнул Саша. Эта информация ему был не нужна, и она смотрелась какой-то очень неуместной, но попытку перевести тему, все же поддержал.

— Потому что государство строится не на казнях, а на том, кто оплачивает дороги.

Саша саркастично поднял на это брови, покачал головой и смотрел куда-то в никуда перед собой, так и не повернув к брату головы. В общем, всем своим видом показывал шутки не получилось, грамотно перевести тему и разбавить атмосферу — не получилось. За-то с его реакции Джокер приулыбнулся. Вообще, не было принято шутить в этот день. Но Яну казалось, что Саше нельзя зарываться уже настолько крупно в своих чувствах. Горе — не осядет так больно, раны не заживут, а ощущение одиночества просто так не пропадёт. Но зарываясь в этой трагедии слишком сильно, Саша рискует остаться в нём навсегда, если вовсе не покинуть мир слишком рано и по собственной воле.

Оповестив брата, Саша направился к себе. Есть не хотелось.

Утро пришло без ощущения начала. Саша даже не был уверен, что спал. Скорее — провалился в короткие обрывы сна, где ничего не успело оформиться в сон как таковой. Только обрывки: вода, чьи-то голоса, ощущение, что его зовут по имени издалека.

Когда он открыл глаза, первое, что он почувствовал — тишину. Не обычную, не домашнюю. Тишину, в которой слишком много пространства. Эта ситуация напомнила не раннее утро, а скорее недавнюю трагедию, где он также остался в тишине. Тревога была в колокола. Он не желал оставаться опять в этом всём. Может и не успел привязаться, вот переживать подобное опять не было никаких сил и желания.

Мир будто поставили на паузу. Остаток вчерашнего дня он почти не выходил из комнаты.

Спал плохо, ел ещё хуже. Читал сообщения от одноклассников и не отвечал. Иногда просто сидел возле окна и смотрел на озеро. А ещё думал, много думал. Хотя правильнее сказать — пытался не думать. Получалось плохо.

Он лежал несколько секунд неподвижно, глядя в потолок, пока мозг медленно подбирал оправдание происходящему. Потом — как всегда — попытался найти выход. И он был найден — телефон.

Он был рядом, на тумбочке. Экран мигнул. Связь была. Сообщений больше не стало. Только то одно.

«Ты будешь завтра?»

Саша медленно сел, вглядываясь в экран. Зашёл в мессенджер. От сердца немного отлегло. Лиза. Видимо, собирается в школу, вот и пишет. Приятно, что его долгим отсутствием кто-то обеспокоился.

Он обратно лёг, натягивая на себя побольше одеяло. Лиза записала голосовое, в котором говорила как раз о своём переживании, что и Кирилл задавала этим вопросом, да и классный руководитель тоже. Рассказывала какое круто выступление они школьным советом провели, пока его не было, о какой-то олимпиаде, где Саше обязательно нужно принять участие. У неё что-то упало, она противно от этого взвизгнула, наругалась на это что-то и разлитый чай. Потом выключила голосовое. Кажется, Глеб ей уже говорил, что краситься одновременно с завтраком — гиблое дело.

Голосовое Лизы, на самом деле не прибавляло какой-то радости, а скорее напоминало о той жизни, что подросток внезапно и безвозвратно потерял. Это уже перестало отдаваться каким-то ужасом, истериками и молотом по голове. Скорее просто капало куда-то туда, в душу, где зияла пустота.

Поэтому, когда кто-то все же постучался, он даже обрадовался. Дверь противно скрипнула петлями и щелкнула ручкой.

— Проснулся? — голос Джокера был ровным.

Саша не ответил сразу, ожидал следующих вопросов. Он ожидал чего угодно — давления, контроля, вопросов, каких-то заданий из ряда «ты здесь живешь, значит помогай с домашними делами». Но мужчина просто стоял в дверях, не входя полностью, будто давая пространство.

Это раздражало. И одновременно — сбивало с курса, с ещё имеющейся осторожности и внимательности к новым людям. Каждый раз, когда он рядом, когда он себя так спокойно вёл, создавало ощущение, что всё всегда так и было. Но это же было не так. Однако, в этот раз — это было легче.

— Живой? — вдогонку уточняет брат.

— Относительно

— Есть будешь? — спокойно уточнил Джокер.

Саша поймал себя на мысли, что именно ощущения привычной заботы о нём ему очень не хватает в последние дни. Ранее неизвестные ощущения медленно складывались в единый пазл. Но это не устраивало. Не устраивало, что в собственном ощущении какой-то может и брат, но все равно левый мужик заменяет маму.

Вздых получился каким-то рваным. Словно плакал всю прошедшую ночь или что-то мешало, хотя было это совсем не так. Просто не получалось по-другому. Было тяжело, но ещё возможно.

— Ты вообще — он поднял взгляд, — ты как будто не помнишь, что было вчера.

— Я помню, — сказал он наконец, выдержав пару минут и пожав плечами, явно про себя там перебрав пару ласковых на состояние Саши, — Поэтому и предлагаю завтрак.

И всё. Без драматизации или попытки убедить. Просто сухой факт. Саша хотел возразить — и не смог сразу сформулировать, что именно не так. Это было хуже, чем спор, потому что спор даёт точку опоры. А здесь её не было.

Скорее всего, его не устраивало просто собственное ощущение, мысли, а ещё контраст. Мама бы начала с «доброе утро, моё солнышко». Папа бы радостно вскрикнул «рота подъём». Мама бы стала ласково его уговаривать. Хотя нет, она бы сначала уточнила будет ли он есть, а если будет сейчас или позже, а может одним вопросом. А если бы отказался — тогда уговаривать. Папа бы, распахнул шторы и стал стягивать одеяло, весело о чём-то говоря. А Джокер просто даёт сухие факты.

Саша, знаете, даже верил, что Ян его любим. Какой-то своей особенной, другой, чужой и чуждой любовью. И точно не нужной. Хотя, может быть даже очень нужной.

За завтраком дом выглядел иначе. Слишком нормальным, слишком аккуратным. Василиса поставила тарелки так, будто это обычное утро. Ворон читал что-то в телефоне, иногда поправляя очки. Ян молча пил кофе, не глядя на него. Ленор уже сидела с таким видом, будто ей скучно с рождения мира.

И именно эта «обычность» давила на него. Ему казалось, что тяжело ему и плохо одному здесь, что он один во всем мире с этой болью, что потеря родителей сказалась только на нём, что только он за ними скучает и больше никто.

А Саша поймал себя на том, что ждёт уже много дней подвоха и не находит его. Его бросает в этих качелях с «верю, не верю». В качелях между болей, пожирающей откуда-то из глубин тела, и желание довериться и поверить в эту семейную жизнь.

— Ты сегодня в школу не идёшь, — спокойно сказал Ян, не поднимая глаз.

Саша резко посмотрел на него. План был как раз наконец в школу завалиться, выбраться из этого дня сурка и глянуть в знакомые, давно уже, родные лица.

— Это не обсуждается?

— Нет, — так же ровно ответил Ян. — Это забота.

Слово прозвучало неправильно. Слишком мягко для приказа и слишком уверенно для заботы. Саша вдруг понял, что не знает, что из этого хуже.

Он хотел сказать «я сам решаю». Но вместо этого спросил:

— Почему?

Ян наконец посмотрел на него. И в этом взгляде не было ни насмешки, ни угрозы. Только усталость за все эти дни. Это был взгляд человека, который желал, что бы от него все отстали на пару часов и дали отдохнуть, а лучше провалиться в сон на сутки.

— Потому что ты не понимаешь, кто может тебя увидеть там.

Тишина за столом стала плотнее. Даже Ленор перестала качать ногой. Мясо с

— И кто может? — Саша всё ещё пытался держать иронию, но она уже не работала как раньше, она уже стала обыденной. Они скрывают, а Саша играет с ними в «почемучку» и «угадайку».

Вместо ожидаемого Хуа, ответил вдруг Веня:

— Те, кто уже ищут тебя.

Знаете, эти загадки уже в печёнке сидели. Взрослые говорили всё это с таким спокойствием и важностью, как будто это не новость, а часть расписания. Ну сегодня у нас по плану «тебя преследуют, ждут и отслеживают. Что будешь на обед?». Если однажды кто-то из них прямо так и скажет — Саша не удивится. При чём, исходя из всего произошедшего, Волков мог предположить, что делается это во имя сохранения психики этого самого подростка. И рассудка тоже, кстати. Вот только получалось у них откровенно паршиво. А если это призыв: будь осторожнее теперь, — то получалось ещё хуже.

Саша почувствовал, как по спине проходит раздражение. Особенно после того, как Джокер добавил:

— После школы у тебя не будет пути обратно сюда, если ты туда пойдешь.

И вот тут должно было включиться недоверие. Оно включилось. Но слабее, чем прежде. Они не давили о своей тайне и не кричали о запретах. Скорее, они говорили в обычной между собой манере, где подразумевалось, что всё и так всем понятно. И всем, кроме Саши, все действительно было понятно. А ещё говорили так, будто уже знают, чем всё закончится.

И это было страшнее угроз, раздражало хуже назойливых мух и подрывало собственную уверенность в своих знаниях. Отец воспитывал его человеком, что не должен в себе сомневаться, должен здраво оценивать ситуацию со всех сторон и в любом состоянии. Оглядываясь назад, скорее всего именно на такой случай.

Саша отодвинул чашку, окинул всех строгим взглядом и недовольно уточнил:

— Можно уже справочник выдать, чтобы я тоже понимал о чём речь? Или ссылку на википедию? — он помолчал, ожидая что-то вроде «пойди, возьми 3 книга, на 2 полки сверху, там всё есть». Но этого не было, его словно проигнорировали. Оставалось только цыкнуть и про резюмировать: — То есть я теперь заперт?

— Нет, — сразу ответил Джокер, отпивая свой кофе и что-то смахивая перед глазами, — Ты свободен.

Слишком уверенно для ситуации, где у него нет ни одного понятного выбора.

Саша посмотрел на брата, явно не понимая логики и последовательности в его действиях. И на секунду — очень короткую, почти незаметную — ему захотелось поверить. Но воспоминания о предыдущей попытке, быстро напомнили, что «да, ты свободен». А ещё дали вопрос: «И что ты собираешься делать с этой своей свободой?». А действительно — что? Что он будет делать дальше? Вот сегодня ещё он может примерно составить план дня, где главной целью станет подготовка к завтрашнему дню и освоение всего того, что успел пропустить. А дальше?

Вспомнилась почему-то одна из первых фраз Джокера, что его заберут родители позже. А родители там — вообще в чужом мире, разговоры о котором до сих пор из ряда «брета». И что тогда? Что будет там? Там же явно другое абсолютно всё. Если он хоть поймёт слова, которые они говорят — уже будет хорошо. Но как оставить все, чем жил много-много лет?

Но в голове мелькнула мысль, желание, послать этот мир к черту и отдаться всему новому и неизвестному. Зарыть в старых книга, погрузиться в этот чужой мир с головой и забыть все остальное, со всем плохим. Вдруг это сиюминутное желание искренне испугало. Да, в Саше говорила боль и усталость. Желание отвлечься на что-то новое и интересное, а именно магия становилась очень даже интересным. Но как он может все забыть? Забыть всю свою жизнь? Забыть его семью? Друзей? Ни за что. Папа как-то сказал, что без нас прошлых не будет нас настоящих. А значит и забывать нельзя. А ещё бежать — это крайне неправильная история, как выяснилось.

Он отвёл взгляд первым.

— Ладно, — выдохнул Саша. — допустим.

В этот момент Джокер едва заметно расслабился, явно поняв, что одной проблемой на его голове меньше. Это выразилось в слегка опущенных плечах, немного сторбившийся спиной, тем как он перестал сжимать зубы. Совсем чуть-чуть, еле заметно, но Саша подметил. Он тоже так порой делал, ещё прикусывал щёку, когда о чём-то думал.

Правда для каждого из братьев — это не победа и не облегчение. Это — шаг, который все давно ожидали. Что Джокер начнёт все больше снимать с себя маску идеального человека, что Саша начнёт принимать, что весь этот обман, извините, вся эта новая жизнь — станет чем-то само собой разумеющимся. Чем-то что было всегда.

Победа для Саши будет, когда весь мир перестанет над ним издеваться, когда на него это люди будут смотреть не с жалостью, не как на ребёнка, а как на равного. Победа будет, когда они перестанут от него всё утаивать или сам Саша узнает всё. Хотя, возможно, за неделю сложно

узнать всё то же самое, что они узнавали всю свою жизнь. Куски имеющейся информации не укладывались до сих пор в единую картину. Возможно, от недостатка этой самой информации.

Он пилил взглядом тарелку, обдумывая. Живот сообщил, что кроме вчерашних бутербродов ничего то он и не видел. Так что лучшим решением стало — поесть. Было вкусно. Оглянув других, он застыл на тарелке Ленор, где горкой лежали кусочки жареного мяса. Больше у неё ничего не было: ни овощей, ни макарон, даже хлеба. Решив не лезть, мало ли какая диета у современных звёзд, он доел, поблагодарил Васю и направился к себе.

По просьбе Лиза скинула все задания, которые прошли, которые задавали. Список получился внушительный, особенно со списком литературы. Торжественно объявил, что завтра придёт в школу точно. Подумав, добавил «наверное». Затем стал выполнять все по порядку: начнёт математикой с физикой, и закончит литературой. Где-то в районе обеда, прошёлся по дому, разминая тело. Телефон сообщил о сообщениях в чате.

На этот раз школьный совет. И когда его добавили в какой-то новый чат школьного совета? Лиза бушевала, спрашивая где все. Глеб записал кружок, показывая себя вместе с ещё группой парней во вполне себе знакомом уже ларьке. Сообщил, что скоро будут. Кирилл снял кружок из автобуса, показывая девочку из параллели, что так же была в этом совете. Она же тут же в ответ написала: «в пробке, будем минут через 15». Ещё гора подобных отписок, но это было уже не так интересно.

На всякий случай уточнил что происходит, а также что его не будет. Лиза в личку ответила, дословно «Я знаю, сиди и не отвешивай». А ещё сообщила о просьбе классного руководителя принести справку или расписку. Следом написала, что в школу приходила опека по его поводу, нужно прийти вместе с опекуном.

Рука невольно дрогнула от этого «Опекун». Все уже вкусе, все знают. И у него большие проблемы. Ноги сами понесли к Джокеру. Если он решил играть доброго и благородного спасителя — то пусть уж играет до конца. Да и просить кого-то о помощи в подобном просто на просто больше было некого. А решиться хотя бы призрачной надежды на нормальную жизнь — не хотелось, уж поверьте.

В кабинете его не было, в зале тоже, за-то он нашёлся на веранде. Развалился в дальнем углу с ноутбуком.

— Джокер, — тут же окликнул его подросток, подходя ближе.

Старший кивнул, не отрываясь от экрана и всё так же клацая по клавиатуре.

— Мне нужна справка в школу, почему меня неделю не было, — без предусловий, произнёс Саша.

— Пойди глянь на столе в кабинете, — тут же отвечает брат, — Только не рви больше ничего.

— А ещё тебя в школу вызывают.

— по поводу?

— Опеки.

— А. Я занимаюсь этим вопросом.

— В смысле?

— В смысле, что это не делается за два дня. Я в процессе.

— То есть я пойду завтра в школу и меня оттуда под белые рученьки заберут в казённый дом?

— нет конечно. Скажи, что я буду послезавтра. Там документы будут готовы.

Бровь подростка нервно дёрнулась. Хуа словно как-то пофигистично относился к этой проблеме, будто считал, что она где-то далеко и не правда. Но сделать с этим Саша все равно ничего не мог, поэтому направился в кабинет.

Длинные коридоры уже не вызывали того же интереса. За то карта вспыхнула новым. Это уже было не просто украшение на стене, а целый новый мир, мир в котором подростку пред-

стоит жить. Это были другие государства, другая жизнь. Целый иной мир со своей географией, со своей историей, своей политикой. Возможно, даже другой природой. В голове невольно рисовалась картинка из фэнтэзи книжек. Горные хребты представлялись как в «Аватаре» с летающими островами, леса как магические болота, с маленькими летающими феями и загадочными лесами на деревьях.

Про орден Алого Соцветия, как о родном государстве, он был в курсе. Столица на карте нашлась быстро и без особых усилий. Огромная Красная точка, на берегу моря, с гордо выделенным названием Цехенвал. Он попытался найти здесь названия материков, но их не было. Точно так же, как и морей, озёр, рек и океанов. Видимо, это была политическая карта.

Пощупав, потрогав, удивился тому, что это была самая обычная бумага, с нарисованным карандашом контуром. От этих действий отвалилась булавка, держащая карту на боях. Подняв её, Саша смог увидеть сзади подпись: Константин Воронов 7 класс. Была ли эта работа Джокера или у Ворона был родной сын — история умалчивала. С какой целью рисовалось тоже. Поэтому и в достоверности карты Саша сейчас усомнился.

Кабинет оказался совсем не таким, каким Саша его представлял. Это он смог заметить ещё в первый раз, но удивиться этому смог нормально только сейчас. Почему-то казалось, что у Джокера должно быть что-то вроде логова злодея из фильмов. Тяжёлый стол, коллекция оружия на стенах, черепа врагов на полочках, тайные кнопки. Может быть, даже аквариум с акулами или хотя бы рыбками. Он ведь такой весь из себя загадочный, статный и принц целого тайного государства. Почему именно принц? Родители у власти, а на рядового аристократа он не тянул, словно закон ему не писан. А не писан он, может быть, только тому, кто сам закон. Да и главным аргументом, наверное, служило прочерк в графе «раса» в разорванном ранее паспорте, словно это и так все должны знать или не имело значения, а там же, было выдвлена, у названия ордена, как страны выдавшей паспорт, была приписка — «орден Хуа». Едва ли он просто однофамилец с целой страной.

Возвращаясь к кабинету, на деле всё выглядело хуже фантазий и казалось, что даже хуже прошлого раза. Хотя от этого от него веяло чем-то настоящим. Помещение занимало почти весь торец дома. Высокие окна выходили на озеро. Свет падал ровными прямоугольниками на тёмный деревянный пол.

У дальней стены стояло очень много шкафов. Они занимали пространство от пола до потолка и были заставлены папками так плотно, словно кто-то пытался упаковать сюда половину мира. С другой стороны стояли стеллажи, наполненные всё теми же папками, коробками. Они же по-прежнему стояли на полу.

Саша остановился у двери. Не кабинет, а архив. Целый рабочий штаб. Место человека, который спит меньше положенного — это точно.

На столе стояли две кружки. В одной давно высох кофе, во второй торчали карандаши и ручки. Хотя рядом стояла подставка, забитая самой разной канцелярией. Поверхность почти полностью скрывали самые разные вещи: бумаги, какие-то схемы, таблицы, записные книжки, несколько печатей, даже игральные карты. Старый настольный календарь показывал сто восьмой год Эры Аркуса, а рядом точно такой же показывал 17 мая 2025 года.

Рядом, на приставной тумбе на колёсиках, лежала раскрытая карта ордена. Она отличалась от той, что висела в коридоре. Так же нарисована от руки, но уже явно профессионально, ибо там были цветные разделения по границами государств, подписаны моря и океаны, даже города и деревни. Она была не туристическая, а скорее рабочая. На ней были десятки цветных отметок, самые разные: красные, синие, белые. Некоторые были в виде небольшого цветного кружочка, а какие-то были стикерами с надписями. Возле некоторых городов и мест стояли короткие подписи карандашом, указывая на определенное помеченное кружочком место. «Приют», «Медицина», «Юристы», «Школа», «Стройка», «Открытие — осень».

Саша нахмурился. Странная карта, больше похожая на план какого-нибудь министерства или государства. Он тут же одернул себя. Бред. У государства есть государство. Зачем кому-то строить ещё одно?

Взгляд случайно зацепился за лист поверх остальных бумаг. «Отчёт о размещении переселенцев». Ниже шли цифры: сотни, потом тысячи, потом ещё больше. Саша быстро отвел глаза. Читать чужие документы было неловко. Особенно когда пришёл сюда фактически за справкой. Джокер — был птицей высокого полета. И если теория о родстве с правителями государства правдива, то на деле получается, что здесь Волков лишь увидел часть работы старшего брата, как этого самого государства. Если нет — то скорее всего, это касается бизнеса. Чем четко Ян с Веней занимались — он не знал. Да и вникать в это он не шибко хотел.

Задумался на мгновение: а кем работали его родители? Папа ежедневно, порой даже в выходные, ходил на работу. А мама была домохозяйкой, да и ему всегда были хорошие карманные. В роскоши он не жил, но и на бедность пожаловаться не мог. Проводя параллель с друзьями, он бы мог сказать, что жил на одном уровне с Лизой. Вот только её родители, ради такого, вкалывали как лошади и почти не бывали дома. Наверное, Саша их видел разве что когда Лизе выдавали награды с сцены. Вот только кем работал отец — он в упор не мог вспомнить. Ни где, ни кем. Помнил, что у мамы точно был диплом хирурга, на эту тему она с мамой Глеба очень много наговорились. А вот на счёт папы — не мог ничего сказать. Но раз он был как-то связан с подлунными, с родными родителями, может он был там? Он занимался чем-то связанным с этим? Но вот ещё вопрос возник: почему родители ничего столько времени не говорили? Почему умерли в молчании? Это два вопроса, но взаимосвязанных. Если бы они сами не знали, подобрали на улице или взяли из приюта, если бы у отца не было той самой злосчастной сережки — вопросов не было. Но как минимум отец тогда, точно всё знал. Так почему?

— Просто справка, — напомнил он себе.

Шкафы тянулись вдоль стены длинным коридором папок. Часть имела обычные подписи: «Финансы», «Медицина», «Образование», «Жилищный фонд», «Юридический отдел». Некоторые выглядели куда страннее: «Памятник», «Красный архив», «Семья», «Маяк» и «Крылья».

Названия ничего ему не говорили, отличии от объёма. Папки занимали целые секции и часто под одним и тем же названием. Даже полки уже выделялись этим названиям. Будто за каждым названием стояли не бумаги, а большое множество людей, чья каждая история и биография записана здесь. Это вызывало ассоциации с регистратурой больницы, где так же в ряды стояли карточки пациентов с всеми их болезнями.

Саша прошёл дальше. И почти сразу увидел знакомое обозначение — СЗ. Он замер на мгновение. Папка стояла между десятками таких же по цвету. Она была толстая, твердая, с номером на корешке, словно обычное архивное дело. Вот только несмотря на цвет, ни смотря на то, как ровно она стояла — смотрелась чужеродной, не отсюда.

Рука сама полезла достать и, возможно, узнать чуть больше об организации, стоящей за смертью близких людей. Она досталась легко, без особых усилий и так же податливо открылась. Внутри лежало очень много разных документов: протоколы проверок, задержаний, осмотры мест преступлений, краткое резюме на подозреваемых. Словно он смотрит не дело организации-инквизиторов, а из обычного полицейского участка.

Но вскоре, после очередного рапорта об пересчете оружия, перед Сашей открылось несколько листов, скрепленных скрепками. Это было дело на него самого. Сначала фотография, как в американских фильмах, затем базовая информация: рост 176 сантиметров, возраст 15 (тут он ухмыльнулся, отметив, что дело «старое», ибо ещё осенью этот пункт обновился), раса не установлена, ранг ориентировочно S, нарушений не выявлено, статус принц Хуа. Он

невольно ухмыльнулся своему раннему предположению о родословной, найти подтверждение мыслям за пару минут — тут не справился бы и гугл. Может у него есть дар предвидения?

Руки листали дальше, а разом бил новую тревогу.

*Хронические заболевания: врожденный порок сердца, ишемия сердца, болезнь почек, искривление позвоночника, плоскостопия. **Примечание:** «объект воспитывался среди людей. До 16 лет не проявлял активных признаков осознания истинной природы. Родился в период политической нестабильности Ордена Алого Соцветия. Несмотря на высокий статус биологических родителей, объект не воспитывался в условиях дворца или закрытого общества. Решение было принято намеренно: исключить формирование изолированного аристократического мышления».*

Четыре года – логопед, 5 лет – операция на открытом сердце. Отметка следователя и врача: Ребенок спрашивал не «когда я снова смогу играть», а «сколько времени нужно, чтобы вернуться к нормальной жизни». После операции: быстро восстановился; самостоятельно соблюдал режим; не проявлял характерных детских капризов.

Шесть лет – клиническое лечение сердца и почек. Объект физически слабее нормы, однако демонстрирует высокий уровень адаптации и дисциплины, первые занятия по стратегическому мышлению в игровой форме. Родители намеренно избегали давления. Ребёнка учили не побеждать любой ценой, а понимать последствия решений. 7 лет – пошел в первый класс школы 104, по адресу улица Саломона 82. Характеристика: спокойный; вежливый; редко конфликтует; быстро становится лидером среди детей. Особенность: Вместо попыток быть главным сам, помогает другим занять место рядом с собой.

Восемь лет – перевод в школу 115, 2 класс, по адресу улица Шолохова 32, 1е. 9 лет – секция по карате. Отмечено: высокий уровень анализа; способность замечать ложь; развитое чувство ответственности. Объект не проявляет обычного детского стремления к власти. Однако, естественно, занимает позицию организатора.

Сзади раздалися шаги.

Десять лет – музыкальная школа по классу фортепиано. Саша никогда не был первым. Но если решил вмешаться — остановить его было сложно. 11 лет – перевод в 5 г. Наблюдение: высокая эмоциональная память; способность передавать настроение через музыку. Он должен уметь не только командовать людьми. Он должен понимать их. Начинаются первые проявления: лидерских качеств; стратегического мышления; повышенной ответственности за друзей. Неофициальные данные: помогает одноклассникам; защищает тех, кого считают слабыми; конфликтует с несправедливостью.

С двенадцати до пятнадцати лет. Место жительства и учебы – не менялось. изучает историю; интересуется политикой; анализирует новости; быстро видит слабые места системы. Наиболее опасная характеристика объекта: отсутствие стремления к власти при наличии всех качеств для её получения.

Итоговое заключение: Александр Хуа не был воспитан как наследник. Он был воспитан как человек, который однажды сможет стать наследником. Полученное воспитание сочетает: эмоциональную привязанность; высокую дисциплину; способность принимать тяжёлые решения; моральную устойчивость. В случае раскрытия происхождения существует высокая вероятность конфликта

Не ясно, что Сашу возмущало, пугало и вводило в ступор больше: наличие этой информации, выводы и приписки, новая информация о себе самом, что за ним всю жизнь кто-то следил, что этим кто-то были СЗ или наличие всей этой папки у Джокера?

Руки листали дальше, погружаясь в фотографии и воспоминания, о своих старых поражениях и победах, встречах с друзьями. Это было грамотно расписанное дело, затрагивающие все аспекты человека. Все, до каждой родинки на теле, каждого близкого человека и даже режима дня со всеми оговорками. Только это дело касалось его собственной жизни.

Когда вошедший остановился, Саша аккуратно уточнил, не отрывая взгляда:

— Откуда оно у тебя?

Ян посмотрел на папку, а не брата. Именно на папку. Словно видел не бумагу, а время.

— Долгая история, — аккуратно выхватывая документы, Джокер взял все бумагами, сложил и плавным жестом руки поставил на место. Четко обозначил, что Саше туда свой нос нельзя совать.

— Меня уже начинает бесить эта фраза.

— Меня тоже.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Саша даже растерялся, а вот старший вздохнул. Затем потёр переносицу, явно показывая, что за последние дни устал сильнее, чем хотел казаться. И подросток не устанет это подмечать, ибо если ты уже собрался играть в честного и благородного старшего брата, то будь таким во всём.

— Ты спрашиваешь не про документы, — вдруг продолжил Хуа.

— А про что? — не понял подросток.

— Про то, почему они вообще существуют.

Саша ничего не ответил. Потому что тот попал и попал весьма точно. Ян вновь посмотрел на папку и продолжил:

— Некоторые дети пропадают бесследно, — он говорил слишком спокойно и без каких-либо эмоций, от чего побежали мурашки по коже. Это же не норма, нельзя так безучастно, если можно что-то сделать, — Некоторые потом находятся. Некоторые нет, — он сделал паузу, явно вспомнив примеры, — А некоторые годами живут так, будто их никогда не существовало.

— И что? — Саша почувствовал неприятный холодок.

— И кто-то должен помнить, что они существуют, — Вот теперь Ян посмотрел прямо на него, этим своим спокойным, усталым, серозным, да и вообще многозначительным взглядом, — Особенно если однажды за ними придут.

По спине вновь пробежался таун мурашек, от чего подросток отвёл взгляд первым. Потому что внезапно понял одну очень неприятную вещь.

Папка начиналась задолго до знакомства, задолго до дома, задолго до озера, задолго до того дня, когда Ян приехал за ним. Кто-то годами проверял, жив ли он. Жив. не пропал, не исчез, не умер. не оказался в очередном отчёте. Кто-то собирал досье для того самого несчастного вечера, а кто-то чтобы его не допустить. И почему-то от этой мысли внутри стало совсем не по себе, ведь первые преуспели больше.

— Ты следил за мной?

— Нет, — Ян неожиданно усмехнулся.

— Тогда откуда?

— Саша, — голос стал чуть мягче привычного, — Иногда люди помогают друг другу.

— Просто так?

— Нет, — его уголок губ дрогнул, — Обычно за кофе.

— Очень смешно, — закатив глаза ответил ему младший.

— Стараюсь.

Несколько секунд они молчали. Папка стояла на своём другом месте. Среди сотен других дел, среди сотен других судеб. И именно это вдруг зацепило. Не его собственное дело, даже скорее его собственная папка. Не документы или тайны, а то, что рядом стояли другие. Десятки, а то может быть и сотни, и за прошедшее время их стало больше. Ян не собирал бумаги, он, скорее, собирал людей. Тех, кого остальные давно потеряли из виду. Тех, кого проще было забыть.

На краю стола лежала раскрытая тетрадь, Саша машинально скользнул взглядом. На странице крупно было написано о каких-то деньгах. Ниже шли пометки, исправления, стрелки, какие-то расчёты, план мероприятий, встречи, города и фамилии. Словно кто-то пытался одно-

временно решить тысячу чужих проблем и почему-то уверенно считал это нормальным. И этот «кто-то» стоял напротив.

Решив уже, что можно понаглеть и воспользоваться непрошенным родством, Волков кивнул:

— Это что?

Ян проследил за его взглядом и спокойно ответил:

— Рабочие записи.

— Похоже на манифест.

— Не дай Луна.

— Почему?

— Потому что люди начинают писать манифесты тогда, когда уже поздно работать.

Саша фыркнул, а Ян же вдруг подошёл к столу и открыл его ящик. Порывшись внутри, достал небольшой круглый колокольчик. Обычный, серебристый, с небольшой гравировкой бабочек, на аккуратной косичке из красных ниток. От него вниз шли такие же красные нитки с бусинками. На вид совсем дешёвый, старым и потрепанным временем.

Саша непонимающе нахмурился.

— Это что?

— Твой.

— В каком смысле мой?

— В прямом.

Ян вложил колокольчик ему в ладонь. Металл оказался неожиданно тёплым, будто его только что держали в руках.

— Зачем?

Ян несколько секунд молчал. Видимо решая, насколько честно отвечать. Потом всё-таки сказал:

— Когда ребенок появляется в семье, ему дарят колокольчик.

— Мне пятнадцать.

— Я заметил.

— Я не ребёнок.

— Это тоже заметил.

Саша уже собирался вернуть подарок обратно, но Ян продолжил:

— Считается, что пока колокольчик звучит, дом помнит своего человека, его сердце бьётся, а красная нитка точно приведет его обратно.

Саша замер. Ян говорил спокойно, без торжества, рассказывал какую-то очевидную вещь. Затем неожиданно дошло, что колокольчик всё это время просто где-то хранился вне Саши. Он где-то его ждал, ждал своего момента. А вместе с ним, ждал и брат. И в этом мире Сашу всё ещё кто-то ждёт, кто-то любит. Вроде он понимал это уже много раз за эти дни, но каждый раз вспоминал, понимал и удивлялся как в первый. Дом — это было не место, это были же явно люди или нелюди. В душе вдруг что-то тепло колыхнулось.

— А если потеряется?

— Найдем.

— А если сломается?

— Починим.

— А если...

— Саша, — он поднял взгляд, — Тогда купим новый.

И почему-то именно эта последняя фраза ударила сильнее остальных. Не про колокольчик, совсем не про него. Он уже и не рассчитывал, скорее всего услышать: «Починим», «Найдем», «Разберёмся». Это всегда говорил папа, он был главной опорой. Никто кроме него. Ско-

рее всего, никто больше не был теперь готов ему сказать тоже самое. Кроме человека, который сейчас стоял перед ним.

Ян легонько щелкнул ногтем по металлу. Колокольчик тихо звякнул, но почему-то от этого звука стало немного легче дышать. Совсем чуть-чуть, самую малость, впервые за много дней.

Когда дверь закрылась, кабинет снова погрузился в тишину. Саша ещё некоторое время стоял в коридоре, проводил брата взглядом и устремился его на мирно висящую на стене карту. В одной руке — справка. В другой — колокольчик. Маленький, нелепый и точно совершенно бесполезный. Он даже выглядел как вещь, которую обычно дарят детям лет пяти, а не человеку, который неделю назад собственными глазами видел смерть родителей, а вчера их похоронил.

Подросток невольно усмехнулся, секунды на две. Потом улыбка исчезла. Он медленно провёл пальцем по гладкому металлу. Колокольчик снова едва слышно звякнул. Почти шептал о чём-то очень сокровенном. И почему-то вспомнилась мама. Не похороны или кровь, и даже не последние минуты. А гораздо раньше, как она поправляла ему шарф перед школой, как ругалась, когда он забывал дома сменку. Как гладила по голове, думая, что он уже спит.

Горло неприятно сжалось. Саша быстро спрятал колокольчик в карман. Нет. Не сейчас. Он уже достаточно времени провёл в воспоминаниях. Если продолжить, станет только хуже.

Справка отправилась следом. Папка СЗ вернулась на своё место, а вместе с ней ушло что-то с плеч и с души. В своей памяти он попытался задвинуть эту папку куда-нибудь поглубже и подальше. Не потому, что узнал всё. Наоборот, вопросов стало только больше. Но впервые за долгое время ему показалось, что ответы действительно существуют. Их просто пока не дают. Это раздражало, но уже не так сильно, как раньше. В голове наконец появилось осознание, что эти все недосказанности — во благо и он был готов их принять. Да, Саша так же будет засыпать вопросами. Но не так сильно, как раньше.

Дом жил своей жизнью. Где-то наверху что-то уронила Ленор, судя по последующему грохоту — что-то большое. Из кухни доносились голоса Василисы и Вени. С улицы тянуло запахом воды и нагретой солнцем древесины. Казалось бы, самый обычный день. Именно это чувство, спокойствие ощущалось обычным. Мир не остановился, не развалился и не исчез. И Саша, его жизнь, вместе с ним тоже. Хотя должен был. По крайней мере, так иногда казалось самому Саше.

Он вернулся к себе. На столе всё ещё лежали учебники, тетради, распечатанные Джокером задания. В телефоне сообщения от Лизы, на тумбочке недочитанная книга. Обычная жизнь. Та самая, которую он так боялся потерять.

Подросток сел за стол, открыл тетрадь по физике. Минут пять смотрел на задачу. Потом ещё минут пять честно пытался понять, что означают цифры перед глазами. Они не хотели складываться в привычную, понятную картину.

Это невольно вырвался тяжёлый вздох. Появилась мысль, что в последнее время все очень тяжело вздыхают, от чего сам и улыбнулся, и стал писать. Строчка за строчкой, формула за формулой.

За окном качались деревья. В доме кто-то ходил по лестнице. Где-то хлопнула дверь. Телефон периодически вибрировал от новых сообщений. Жизнь продолжалась. Странная, непонятная и совсем не такая, какой была ещё неделю назад. Но всё-таки продолжалась. И впервые за долгое время это не казалось чем-то плохим. Скорее наоборот, вполне себе приятным.

Вечером он обнаружит, что машинально прикрепил колокольчик к рюкзаку, а заметит это только перед самым сном. Снимать не станет.

К вечеру дом снова погрузился в тот особый ритм, который Саша никак не мог для себя определить. Не шумный, но и не тихий. Где-то на кухне Василиса спорила с Ленор о том, можно ли считать пельмени полноценным блюдом. Ленор утверждала, что, если в них есть мясо —

можно. Вася доказывала обратное с таким жаром, будто от ответа зависела судьба государства. Из гостиной доносился голос Ворона. Он с кем-то говорил по телефону настолько спокойно и вежливо, что становилось даже страшно. Особенно если вспомнить, что после таких разговоров люди обычно начинали очень быстро выполнять свои обязанности.

Сам Ян большую часть дня снова провёл за работой. Иногда проходил по дому, иногда исчезал в кабинете, иногда уходил на веранду, иногда забегал на кухню и выходил оттуда с новой чашкой. Но неизменно таскал за собой ноутбук, телефон и несколько папок. Словно вокруг происходило что-то огромное, а он пытался удержать всё это руками. Саша несколько раз ловил себя на мысли, что наблюдает за ним. Просто так, без причины и чем больше смотрел, тем меньше понимал, чем он вообще занимается, кем работает.

Если верить документам в кабинете — Ян был человеком, который собирает вокруг себя организации, предприятия, фонды, какие-то общественные проекты и ещё сотню вещей одновременно. Если верить собственному ощущению — он был кем-то очень важным. Если верить самому Яну и образу, что тот пытается выстроить, — он был человеком, который спрашивает, поел ли младший брат. Эти три образа никак не складывались вместе и всё же существовали в одном человеке.

Ближе к ночи задания наконец закончились. Последняя задача по английскому было окончено точкой, вся тетрадь полетела обратно в рюкзак. Литература была прочитана, сообщения от Лизы просмотрены. Даже классный руководитель получил обещание появиться завтра. Наверное.

Саша откинулся на спинку стула и устало потёр глаза. За окном уже давно стемнело, озеро превратилось в черное зеркало. Фонари отражались в воде длинными золотыми дорожками. Дом постепенно затихал, Ленор куда-то ушла, а Ворон закрылся у себя. Василиса пожелала всем спокойной ночи. Даже голоса почти исчезли и только сейчас Саша понял, насколько устал. Не физически, а где-то глубже. Будто последние недели растянулись на несколько лет.

Он встал, подошёл к окну, несколько секунд просто смотрел на темноту. Потом неожиданно поймал себя на странной мысли. Сегодня впервые за долгое время он прожил день. Не выжил, не боролся, не переждал, не провалялся в кровати, считая минуты, не пытался не думать. Просто прожил, со школьными заданиями, с сообщениями друзей, с идиотскими спорами за завтраком, с чужими тайнами и документами. С вопросами без ответов, с раздражением, с небольшим страхом. И почему-то это казалось важным и приятным. Словно жизнь, развалившаяся неделю назад на осколки, впервые попыталась сделать маленький шаг вперёд. Настолько маленький, что его можно было пропустить, не заметить. Но это был уверенный шаг, в новую жизнь и новый мир.

Саша невольно коснулся кармана, затем глянул вниз и протянул руку к рюкзаку. Пальцы нащупали круглый металл, тот самый колокольчик. Он был холодный, гладкий и тихий. Он вытащил его и покрутил на ладони. Станный подарок: бесполезный, детский. Но почему-то отпускать его не хотелось.

Саша сжал колокольчик в кулаке и ещё раз посмотрел в окно. Где-то там оставалась его старая жизнь. Все те события и моменты, которые составляли её. Там была и школа, там были друзья, там был старый дом с мамой и папой. Это было всё то, что уже невозможно вернуть назад, нельзя переписать и как-то исправить. За окном, вдали мерцающего города, была целая книга, посвященная только ему. Её страницы исписаны глупыми шутками, тёплыми воспоминаниями и наспех вклеивались фотографии. А здесь, внутри этого здания, прямо за этим столом, начиналась новая. До безумия странная и непонятная, наполненная тайнами настолько плотно, что иногда хотелось орать и переписывать страницы.

Но впервые мысль о завтрашнем дне не вызывала желания спрятаться под одеяло, пропустить этот день, ведь там точно не будет чего-то важного. Нет. Завтра будет школа, завтра будут вопросы, завтра снова придётся делать вид, что всё нормально, завтра придётся врать

или недоговаривать. Или самому пытаться понять, что вообще происходит. Но это будет завтра и там жизнь дальше будет стараться склеиться в что-то новое.

А сегодня — заканчивалось. Сегодня можно было просто лечь спать и хотя бы одну ночь не бороться со всем миром. Ведь сегодня уже все закончилось. Сегодня уже все отдыхали, сегодня даже Джокер не сидел допоздна в кабинете и не щелкал клавишами. Сегодня уже затихли чаты с друзьями.

Он погасил свет, комната погрузилась в темноту. А за окном тихо шелестел ветер, из приоткрытого окна дул лёгкий и приятный сквозняк, заставляя большие шторы слегка танцевать. Где-то внизу хлопнула дверь, кто-то прошёл по коридору и спрятался у себя. Дом жил своей жизнью и все вокруг тоже.

Саша натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза. Колокольчик остался лежать в ладони, теплый от его пальцев. Но несмотря на то, что на душе было спокойно, сон идти не хотел. Да и мучающих воспоминаний, по правде, тоже не было. Он лежал в темноте, смотрел в потолок и слушал дом. Раньше он бы сказал, что это странно: слишком много звуков, слишком много чужих людей вокруг. Но теперь он наслаждался этими звуками и люди уже не казались такими-то чужими.

Где-то скрипела лестница. Кто-то опять прошёл по коридору. Тихо закрылась дверь. Внизу что-то упало, после чего послышалось раздраженное «ой» Василисы и приглушенный смех Вени. Обычная жизнь, самая обычная. И всё же, это потом нагнало небольшого ужаса и паники. Совсем не потому, что мир не изменился или не остановился.

Не стал другим — только он.

Ещё неделю назад он лежал в своей комнате, знал, где стоит каждая вещь, где мама оставляет чашки, когда торопится, где папа прячет документы, которые «нельзя трогать, но почему-то всегда надо найти». Он знал, как скрипит половица возле кухни. Знал, какой звук издаёт старый телевизор, когда отец слишком громко делает звук. Знал, как мама стучит пальцами по столу, когда нервничает. Знал их, тот дом и свою жизнь. А теперь мог только вспоминать и, понимая, что прежней уверенности не мог иметь даже в самом себе — становилось жутко.

Саша медленно перевернулся на бок. На стуле возле кровати висела готовая на завтра школьная форма. Настолько обычная вещь, что от неё становилось почти смешно. Завтра будет пока что ещё самая обычная школа и знакомые одноклассники, учителя, а потом домашние задания. Завтра он увидит Кирилла и Глеба, завтра Лиза потащит его смотреть репетицию и торжественно аплодировать на каждое слово.

Проблемы, которые ещё неделю назад казались огромными, вдруг почему-то ушли на задний план. Разве это нормально? Разве нормально, что он теперь предпочитал не вспоминать всё что было и, наверное, даже старался сам вычеркнуть для себя все сходства, параллели. Своё прошлое, просто потому что так было проще. Самой большой проблемой была потеря близких и любимых людей, смена жизни, потеря даже самого себя. А сейчас? Сейчас самая большая проблема была в том, что он не знал, как объяснить людям, что у него больше нет родителей.

Не умерли где-то далеко или давно, не умерли от болезни, не уехали и не пропали. Просто больше нет. Пару недель назад мама была на родительском собрании, папа сдавал деньги на поездку классом, друзья приходили в гости и здоровались с ними, папа в тихомолку от мамы сбрасывал деньги. А теперь их просто нет.

И как вообще можно сказать это обычным голосом?

«Привет, я Саша. Вы меня ещё помните? Извините, что меня не было неделю. Родители погибли, меня забрала семья, о которой я ничего не знаю, а ещё, кажется, существует другой мир с магией».

Да. Отличное начало.

Он почти усмехнулся, но улыбка исчезла, а перед глазами появилось лицо отца. Не то же самое, что и на фотографиях, на памятнике. Другое, настоящие и живое. Когда он сидел

вечером в кресле, смотрел новости и делал вид, что не слышит, как Саша в очередной раз слишком громко слушает музыку или ругается, играя в игры. Когда заходил поздно ночью в комнату, раздраженный и заспанный, когда у подростка со стола резко что-то громко падало.

«Саш, ты можешь хотя бы иногда думать о других?»

Тогда это раздражало, а сейчас очень сильно хотелось вновь услышать эти слова, именно от него. Хоть один раз. Любое раздражение, любые нотации, любая улыбка, любая шутка, любой подкол. Что угодно. Даже очередной разговор о разбросанных вещах. Потому что мелочи означали бы, что они здесь, он рядом, он жив, что всё ещё можно исправить. Но это было не так, нельзя было вернуть тех, кого вчера сожгли. Эта мысль была самой простой и очень тяжёлой.

Саша закрыл глаза.

— Я справлюсь, — тихо сказал он в пустую комнату.

Голос прозвучал странно, не характерно для себя, неуверенно. Будто он пытался убедить не себя, а кого-то другого. Он ведь правда должен справиться. Папа всегда говорил, что человек определяется не тем, что с ним происходит, а тем, что он делает после. Тогда Саша считал это очередной взрослой фразой. Красивой, правильной, но не особо полезной. А сейчас вдруг понял: отец не говорил красивые слова, он готовил его. К миру, который однажды может ударить так сильно, что останется только стоять. Только вот он всё равно не подготовился, потому что к такому невозможно подготовиться.

Волков достал из кармана колокольчик, он даже не заметил, когда засунул его туда перед сном. Металл аккуратно блеснул в темноте. Нелепый подарок, детский, но почему-то важный.

«Дом помнит своего человека».

Странная фраза, особенно от человека вроде Яна. Саша всё ещё не понимал его. Иногда тот казался человеком, который знает абсолютно всё, иногда — человеком, который просто очень устал. А иногда он раздражающе напоминал отца. Не внешне. Нет. Скорее в мелочах. В том, как замечал больше, чем говорил. В том, как молча делал то, что считал правильным. В том, как не спрашивал «тебе нужна помощь?», а просто оставался рядом.

Это бесило.

Потому что означало одно: он начинал привыкать. А привыкать было опасно. Потому что всё, к чему он привязывался, у него забирали.

Саша сжал колокольчик в ладони. Нет. Так больше нельзя. Он не может всю жизнь ждать следующего удара, иначе отец был бы неправ. А этого очень не хотелось. Завтра он пойдет в школу. Не потому, что всё стало нормально, не потому что боль прошла, а потому что жизнь всё равно идёт дальше. И если этот странный новый мир решил втянуть его в свои тайны — хорошо. Он разберётся. Если они не хотят рассказывать — найдет сам. Если система считает, что ему лучше не знать — тем хуже для системы! Он всю жизнь был обычным человеком, обычным ребёнком, который верил взрослым. Который думал, что правила существуют не просто так, а теперь он видел другое. Правила часто удобны только тем, кто их придумал, а людям, которые в них не помещаются, приходится ломаться. И Саша решил, что не хочет ломаться, не хочет бояться. Ни ради удобства людей, которые решили, что лучше знают, что ему нужно. А просто казалось, что папа бы направил его по тому же пути, что и Ян. От этого становилось одновременно страшно и спокойно. Ведь ошибка могла быть, отец был человеком своенравным и порой шокировал своими решениями: вместо ожидаемого «да», говорил «нет» или предлагал тот вариант, о котором и думать никто не мог. И если, зная отца, он ставит между ним и старшим братом знак «равно», то сам для себя меняет их. А заменять отца никем он не собирался, даже бессознательно.

Через несколько минут он положил колокольчик рядом с кроватью, потом закрыл глаза. Последняя ночь перед школой. Последняя ночь, когда можно было делать вид, что завтра ничего не изменится. Хотя изменилось уже всё.

Но, может быть, не всё потеряно? Ведь если бы всё было потеряно — он бы не думал о завтра, верно? А он думал. Впервые за много дней сон пришёл раньше воспоминаний. Но сон всё равно не пришёл сразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.